Елена Арсеньева

Темное пламя любви

Любовь и тайна

Елена Арсеньева

Темное пламя любви

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Темное пламя любви / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2020 — (Любовь и тайна)

ISBN 978-5-04-106786-1

Что заставило мужа стрелять в Ольгу Васнецову? Они любили друг друга и были счастливы, но вдруг... И вот теперь родители мужа проклинают ее, выжившую, и не пускают к нему, лежащему в коме... Как спасти любимого? Ради этого Ольга согласна даже принадлежать другому мужчине — но не демон ли нашептывает ей подобное решение? Жуткий колокольный мертвец, Коровья Смерть — отголоски кошмаров былого, терзают ее душу, при странных обстоятельствах гибнут люди вокруг. Должна ли Ольга принести себя в жертву, верить ли шаману, к которому ведет ее неожиданный союзник, эвенкийский красавец Гантимур?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106786-1

© Арсеньева Е. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Елена Арсеньева 5
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Елена Арсеньева
Темное пламя любви

Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием.
Прокл Диадох

Я – страж высоты. Спасаю тех, кого хочет сбросить вниз нечистая сила злая. Их называют чертями, демонами, бесами… Слова разные, а суть у них одна.

Один из таких нечистиков – колокольный мертвец.

Обычно люди поднимаются на колокольни по ночам, чтобы бить в набат. О бедах возглашают ночные колокола: о внезапных пожарах, о приближении чумы, Коровьей Смерти или еще какой хворости. Однако иной раз просто померещится что-то человеку – он и потащится наверх поглядеть, что это там.

Ну а колокольный-то мертвец, сила злая, его там и ждет-поджидает!

Это дух самоубийцы, тела которого не принимает земля. Нечистый, прислужник дьявола! По ночам он, в белом колпаке, сидит в углу на верхнем ярусе колокольни. Лишь только взберется после полуночи туда человек, нечисть начнет ему свой колпак навязывать: надень да надень!

Наденешь – тут тебя колокольный мертвец вниз и сверзит. Конец тебе!

По большей части те, кто с колокольным мертвецом встретился, колпака не брали, а от страха прыгали с колокольни на землю. Нечисти только того и надобно: не сбросить человека вниз, а столь сильно его напугать, чтобы он сам с высоты кинулся, зная, конечно, что расшибется насмерть. То есть в смерти его колокольный мертвец как бы неповинен: человек сам себя убил. Однако каждый самоубивец совершает страшный грех, и душа его теперь не божья угодница, а дьяволова добыча. По дьяволову наущению грешная душа будет стараться и другую душу погубить. Чтобы в аду больше мучеников собралось!

Но если имя Господа человек выкрикнет, прежде чем роковой шаг совершит, то жив останется! А душа его спасется, если ее кто-нибудь отмолит или если ей изначально была суждена жизнь в ином образе, в ином теле, в иной судьбе – не для погубления, а для спасения несчастных!

Как это было суждено мне.

«Суждено» – вот слово, кое все определяет. Я ведь не по своей воле действую. Судьба моя такая! Кто мне ее предрек? Неведомо. Меня в стражи высоты определили, не спросив, а спорить бесполезно!

Я и не спорю.

О прошлом, о прежней жизни я почти не вспоминаю. Пребывание мое в сущности стража настолько долгое, что я и счет ему потеряла, и разные случаи спасения несчастных людей и их душ перемешались все в моей памяти.

Я стараюсь не думать о том, сколько еще пробуду стражем.

Вечность, наверное.

Ох и страшное это слово!..

* * *

У входа в корпус, где располагалась нейрохирургия областного медицинского центра, Ольга чуть не столкнулась с Владимиром Николаевичем, своим свекром. В последний раз они виделись месяц назад, когда Ольга выписалась из больницы, даже начала работать и набралась,

наконец, храбрости прийти проведать Игоря. Но ей не повезло – у мужа в палате сидели его родители. Ольга тогда сразу ушла, даже не подойдя к кровати, на которой лежал Игорь: Валентина Петровна, ее свекровь, при виде снохи упала в обморок, а Владимир Николаевич только резко, глубоко выдохнул и страшно покраснел, увидев Ольгину голову, обритую перед операцией, но уже начавшую слегка покрываться короткими мягкими кудряшками.

– Ну чисто ярочка! – ласково говорила мать Надюшки, Ольгиной лучшей подруги.

Ярочка – это маленькая овечка. У ярочек и в самом деле мягонький, кудрявенький мех. Надюшкина мама, пришедшая навестить Ольгу в больнице, уверяла, что такая прическа (если это можно назвать прической!) ей очень идет.

Ольга так не считала. Эти кудряшки слишком напоминали о детдоме. У нее сохранилось несколько фотографий их группы, и одна относилась к тому времени, когда трехлетняя Оля Васнецова только-только попала в детдом: ее, видимо в гигиенических целях, недавно обрили, и теперь она понемножку обрастала каким-то мелкотравчатым каракулем.

Ольга смутно помнила, что потом ее несколько раз хотели снова побрить: видимо, с гигиеной по-прежнему что-то не ладилось, однако она не давалась, верещала, рыдала и кричала, что хочет отрастить косу, потому что так мама просила. От сироты отстали; коса выросла – холеная, взлелеянная (расти, коса, до пояса, не вырони ни волоса!); однако на сей раз Ольгу постригли и обрили, не спрашивая при этом ее разрешения: она лежала без сознания, с тяжелым сотрясением мозга. Теперь волосы отрастали так медленно, что появления новой косы предстояло ждать до глубокой старости. К тому же, отрастая и переставая виться, бывшие кудри нелепо торчали в разные стороны, так что Ольга всерьез подумывала о том, чтобы снова сделать стрижку «под ярочку». Хотя бы вид аккуратный. Да и ни о каких завивках и укладках думать не надо. Нет худа без добра, что называется!

Судя по скорбному выражению, которое мигом приобрело лицо свекра при встрече с Ольгой, ему эти отросшие волосы тоже не нравились. Впрочем, поводов скорбеть при виде Ольги у Владимира Николаевича было предостаточно – и куда более весомых, чем ее неопрятная прическа!

Итак, свекор и сноха нервно поздоровались и замерли на крыльце нейрохирургии, не говоря ни слова и только исподтишка поглядывая друг на друга. Ольга заметила, что Владимир Николаевич постарел, здорово постарел… Ну да, наверное, постареешь, если единственный сын уже который месяц в коме и неизвестно, выйдет ли из нее когда-нибудь.

– Ты к Игорю? – спросил Владимир Николаевич, как будто появление Ольги в отделении нейрохирургии областного медицинского центра могло иметь еще какие-то объяснения.

Конечно, она на «Скорой» работает, однако в медцентр по «Скорой» больных не доставляют. В Центральную многопрофильную больницу – да, доставляют: именно туда и направили Ольгу Васнецову и ее мужа в тот роковой зимний день. Потом, правда, родители со всеми мыслимыми и немыслимыми предосторожностями перевезли Игоря в областной медицинский центр – на другой конец города.

Якобы там врачи лучше и условия в отдельных палатах идеальные.

– Да, к Игорю, – кивнула Ольга. – Как он?..

– Долго же ты собиралась, чтобы прийти это узнать! – хмуро проворчал Владимир Николаевич, но тут же его лицо смягчилось и голос смягчился: – Извини, Олечка, извини. Я знаю, что ты звонила в справочную каждый день, спрашивала, как Игорь, но лучше тебе сейчас в палату не ходить. Там Валя, а ты же понимаешь…

Ольга понимала. Валентина Петровна не сомневалась, что именно сноха виновата в случившемся. И в медцентр Игоря перевезли не только из-за врачей и условий! Подальше от Ольги, которая лежала в том же отделении Центральной больницы, его перевезли. Валентина Петровна была уверена: Ольга не успокоится, пока Игоря не прикончит! Ведь именно она, по

мнению свекрови, довела мужа до того, что у него «нервы не выдержали, психика надломилась, и он так *сорвался*».

Да уж, *сорвался* Игорь, ничего не скажешь! Не дай бог никому!..

Впрочем, Ольга с первой минуты встречи, а может быть, даже и раньше, еще когда Игорь только обмолвился дома о том, что у него появилась девушка, не нравилась Валентине Петровне. Та была решительно против скоропалительного брака единственного и любимого сына с «какой-то рванью детдомовской, нищебродкой со “Скорой”», потом с трудом сдалась все-таки, но, когда Ольга отказалась поменять фамилию, скрытая неприязнь Валентины Петровны перешла в открытую и даже демонстративную.

Странно, что Игорь и его отец достаточно спокойно и с пониманием отнеслись к тому, что Ольга не захотела из Васнецовой стать Шмелевой. Не потому, что у мужа была фамилия самая обычная, а у нее – звучная и знаменитая! Просто Ольге хотелось сохранить хоть какую-то связь с родителями, которых она никогда не видела и даже фотографий которых у нее не сохранилось: затерялись при переездах из одного детдома в другой.

Да, выросла она в детдомах, но всегда надеялась, что у папы или мамы, погибших при давней авиакатастрофе, все же остались какие-нибудь родственники, которые Олечку (потом Олю, потом Ольгу!) ищут и найдут. По фамилии найдут!

А еще более пылкой была вера в то, что папа и мама – или хотя бы кто-то один из них! – неведомым образом выжили. Их просто отбросило взрывом так далеко от места аварии, что спасательная группа их не нашла, они очнулись, потеряв память, потом долго блуждали по лесам и нашли приют у каких-нибудь отшельников вроде Агафьи Лыковой… хотя где Западные Саяны, в которых обитает знаменитая отшельница, – и где заволжские леса, в которых разбился санитарный вертолет с родителями Ольги: хирургом Василием Васнецовым и его женой-анестезиологом…

Все дети верят в чудеса! Однако не дождалась Ольга возвращения родителей или хотя бы появления родственников и, видимо, уже не дождется, хотя вера в чудеса в ней так и не умерла. Например, то, что она осталась жива, когда выбросилась из окна, спасаясь от Игоря, можно назвать истинным чудом. А его голову задела пуля, направленная в жену, но отскочившая рикошетом от стены. Ольга была ранена еще и в левую руку, в предплечье, – и только получив эту рану, она поверила, что ее горячо любимый муж внезапно решил убить свою горячо любимую жену. Это был приступ безумия, только так и можно объяснить случившееся, но что приступ спровоцировало – этому Ольга по-прежнему не могла найти причин, как ни искала!

Их просто не было. Не было!

Она любила Игоря – любила до сих пор, несмотря на то, что едва не погибла из-за него, любила с каким-то упорством отчаяния, и хотя днем страшная реальность заставляла поверить в безвозвратность случившегося, по ночам, во сне, нежность к нему, эта привычная нежность, эта сладостная дрожь сердца, дитя любви с первого взгляда, владела Ольгой настолько всевластно, что она часто просыпалась со слезами на глазах или даже в горьких рыданиях, потому что, еще толком не проснувшись, начинала осознавать, что сон с его восторгом безоглядной любви – это мимолетное видение, которое мелькнуло – и исчезнет, а явь с ее мучительной болью и тоской – это явь, она непреходяща, и как-то избывать день, с утра до вечера, придется именно в яви, а не во сне.

Многое в ее жизни, связанное с Игорем, было связано также со словом «первый»: первая любовь с первого взгляда, первый мужчина, первый брак, первая беременность и первая потеря ребенка, о существовании которого она даже не успела узнать до того страшного случая (о выкидыше на самом раннем сроке ей сообщили врачи, когда вывели ее, наконец, из комы). Также первый раз в жизни в нее стреляли из пистолета, который она нашла – первый раз в жизни! – на чердачной лестнице в подъезде.

– …когда-нибудь еще?

Что? Ах, это Владимир Николаевич что-то говорит… понятно, предлагает Ольге навестить Игоря в другой раз.

– Почему? – тупо спросила она, хотя это был глупый вопрос. Все ведь понятно на самом-то деле! И ей понятно, а уж свекру – тем более.

– У Валентины Петровны нервы совершенно расшатаны, – отвел глаза Владимир Николаевич. – Я держусь, меня работа заставляет держаться, а она занята только Игорем. Кошмарное зрелище, знаешь… сидит, смотрит на него не отрываясь, а сама молитвы бормочет.

– О чем же она молится, интересно знать? – не смогла удержаться от злого вопроса Ольга, и свекор вытаращился на нее укоризненно:

– Как о чем?! О выздоровлении сына, понятное дело!

«Мне иногда кажется, будто матери хочется, чтобы я попал в какую-то ужасную аварию, – с тоской бросил однажды Игорь после очередного скандала, которые с необычайной ловкостью умела устраивать на ровном месте Валентина Петровна. – Чтобы она сидела надо мной ночи напролет, над беспомощным, безмолвным… чтобы я принадлежал только ей, только ей!» – «И чтобы меня не было в радиусе ближайшей тысячи километров!» – буркнула в ответ Ольга, а Игорь уныло покачал головой: «Нет, желательно в радиусе ближайшего миллиона километров!»

Сейчас Ольга промолчала, ничего не сказала об этом свекру. Пожалела его.

Ну да, всех жалко. Всех. Но больше всего – себя. И почему-то страшно, страшно за себя, как будто тем полетом из окна беды не кончились, случится еще что-то страшное, и та неведомая рука, что направила Ольгин смертельный полет в спасительный сугроб, который нынче утром нагребли снегоочистители (ведь при падении с пятого этажа она не переломала руки-ноги, не повредила позвоночник, а только голову ушибла!), больше никогда не поможет, не вернет к жизни!

– Хорошо, – с трудом выговорила Ольга. – Я приду в другой раз. Только скажите, когда именно, чтобы точно не столкнуться с Валентиной Петровной.

– Давай так, – предложил свекор задумчиво, – я попытаюсь отправить ее домой переночевать: уговорю хоть одну ночь поспать нормально, она ведь тут денно и нощно, а тебе сразу позвоню. Ты и приедешь быстренько.

– Кто ж меня ночью пустит в палату для коматозников? – невесело усмехнулась Ольга.

– А ты возьми с собой паспорт и свидетельство о браке, законную жену-то они не могут не пустить, – подсказал Владимир Николаевич. – Но, наверное, за разрешением обратиться надо днем, а не ночью!

Это он так пошутить попытался, и даже сам улыбнулся своей шутке, но вдруг побледнел, глянул затравленно:

– Или ты… или ты уже развелась с Игорем? Конечно, имеешь на это право. Это не слишком порядочно, однако же ты…

Злость такая подкатила к горлу, что Ольга почувствовала – ее сейчас вырвет. Вырвет горькой желчью прямо на этого добродушного и несчастного дядьку, затурканного чрезмерно властной женой, пригнутого к земле катастрофой, случившейся с единственным сыном, огорченного внезапной встречей со снохой, которая то ли жертва преступления, то ли его виновница – никто этого не знает, небось даже она сама!

Ольга несколько раз трудно сглотнула, вкус желчи как-то смягчился, однако горло по-прежнему жгло.

– Однако же я – что? Не имею представления о порядочности? – наконец смогла выговорить она. – Где уж нам уж, рвани детдомовской, нищебродам со «Скорой»! Но ведь вы сами мне не даете порядочность проявлять – к Игорю не подпускаете! Это во-первых. Если я бы решила развестись, вас бы об этом известили официально. Это во-вторых. А в-третьих, мне мысль о разводе даже в голову не приходила, понятно? Впрочем, можете думать обо мне что

хотите. Просто я ведь знаю, что вы с Валентиной Петровной и злитесь, что я Игоря не навещаю, и радуетесь, что я этого не делаю. В равных дозах, правда же?

– Ну почему ты так думаешь?.. – фальшиво забормотал Владимир Николаевич, но Ольга уже не слушала: махнула рукой и пошла прочь.

Все вокруг расплывалось, и она не сразу поняла, что плачет.

Ну надо же… Заплакала все-таки! А уж думала, что вместе с треснувшей головой и разбившимся сердцем треснула и разбилась та железа, которая вырабатывает у человека слезы. Это ведь впервые заплакала Ольга с той минуты, когда Игорь прострелил ей руку. Тогда залилась слезами от боли, страха – и оттого, что совершенно ясно поняла: ей надо выброситься в окно, только чтобы не видеть, как любимый, любимый, бесконечно любимый человек убьет ее своими руками.

– Господи! – отчаянно крикнула она, понимая, что вот сейчас погибнет, и ударилась всем телом в стекло. Она еще помнила, как начался ее полет вниз… потом сознание померкло.

* * *

…Лифта в хрущобе, где они снимали квартиру, не было. В тот роковой день Ольга привычно поднималась пешком на свой пятый этаж, когда на площадке четвертого ее сильно толкнул бегущий вниз мелкорослый невзрачный мужичонка в замызганном куцем пальтеце, похожий на мышонка, зачем-то нахлобучившего белую каскетку с каким-то черным рисунком. Каскетка была самым запоминающимся пятном в его невыразительной, серой внешности, потому что на дворе стояла зима; тут ушанку надо надевать, а не каскетку! А, ну да, еще весьма запоминающимся и впечатляющим был запах перегара, который источало, казалось, все это невзрачное существо: и дыхание его, и даже одежда.

Ольга с трудом удержалась на ногах, схватившись за перила, и сердито крикнула:

– Поосторожней можно?!

Ответа она, понятное дело, не была удостоена и продолжила подниматься, обеспокоенно размышляя о том, почему этот мелкий человечишка – ну вот натурально мелкий бес! – летел вниз так поспешно. Может быть, ограбил какую-нибудь квартиру и улепетывал с награбленным? Хотя нет, в руках у него вроде бы ничего не было. Вот разве что по карманам краденое рассовал?

Ольга задумчиво посмотрела вслед «мелкому бесу». Странно, откуда взялось ощущение, что она его где-то раньше видела? Эта дурацкая каскетка…

Почему-то каскетка нарисовалась в ее воображении валяющейся на грязном-прегрязном, затоптанном полу рядом с распростертым тощим телом, татуированным не только с ног до головы, но и в тех местах, которые обычно хоть фиговым листком, да прикрыты. На каскетке был нарисован череп, и на груди человека был наколот череп, и Илья Иваныч, старый фельдшер, с которым Ольга тогда работала (он недавно на пенсию ушел, к сожалению, а ведь таких фельдшеров поискать!), пробурчал: «Если Скалолазка будет так пить, как пьет, эта самая картинка нарисуется на его собственной черепушке!»

Точно, это Скалолазка!

Его знали на районной подстанции «Скорой помощи» все. Ну да, Скалолазка – это не женщина, а мужик. Точнее, бывший. Некое подобие мужчины – бомж из бомжей, обитатель – в компании с такими же, как он сам, алкашами, а также крысами и тараканами, бомжатника из бомжатников: дверной проем грязным одеялом завешен – пропили дверь, окна заколочены фанерками – стекла выбили в пьяном угаре… Прозвище свое Скалолазка заслужил тем, что в припадке белой горячки выскакивал во двор и пытался взобраться на стены дома, вопя или хрипя – в зависимости от густоты шкурки овладевшей им «белочки» – известную песню Высоцкого: «Ох, какая же ты близкая и ласковая, альпинистка моя, скалолазка моя!»

Ольга вспомнила, как однажды откачивала этого Скалолазку: галлюцинации у него были сильнейшие, то бился и кричал, то звал кого-то, то лежал недвижим… тогда его врачи вытащили буквально с того света, но остались в уверенности, что он надолго не заживется.

Ан нет, смотрите-ка, не только жив, но и вполне бодр – вон как чесанул вниз по лестнице!

Что же Скалолазка здесь делал? Неужели и впрямь обворовал кого-то?

На всякий случай Ольга внимательно осмотрела двери квартир на площадках четвертого и пятого этажей, но ничего подозрительного не углядела. Все двери были заперты, за каждой царила спокойная тишина (белый день, люди на работе) – только в квартире, соседствовавшей с той, где жили они с Игорем, громко болтали и хохотали мальчишки. Судя по обрывкам этой болтовни, за Мишкой (сыном хозяев) зашли его приятели, чтобы вместе идти играть в футбол, даром что зима на дворе. Ольга этому втихомолку порадовалась, потому что Мишка и его друзья, которые вечно у него тусовались, были публикой очень шумной, картонные стены хрущобы служили слишком слабой преградой для их буйного юного веселья, а Ольга надеялась хоть немного поспать после ночной смены.

Нет, сначала пообниматься с Игорем, у которого сегодня выходной, потом поспать, а вечером они пойдут в театр оперы и балета на «Жизель». Игорь был заядлым театралом и старательно приучал к этому (прививал культурные навыки, как выражалась свекровь) молодую жену. Ольга подумала, что приучалась бы к театру куда с большей охотой, если бы Валентина Петровна так часто не зудела на эту тему, – и в эту самую минуту увидела пистолет, который лежал на ступеньке металлической лесенки, ведущей на чердак.

Лесенка эта находилась как раз около двери их квартиры.

Ольга вскинула голову – чердачное окно заперто на тяжелую задвижку и целых два больших висячих замка: для надежности! Пистолет явно не свалился ни с чердака, ни с неба. Но откуда он взялся?

Никаким знатоком оружия Ольга, конечно, не была, однако пистолет, даже на ее неопытный взгляд, был настоящим, а не игрушечным. Все-таки муж Ольги работал в райотделе полиции, пусть в службе дознавателей, а не оперативником, однако настоящие пистолеты она все же имела возможность повидать.

Мелькнула было мысль, что Игорь вышел на площадку почистить табельное оружие, да и забыл его здесь. Впрочем, это была не просто нелепая, но и совершенно дурацкая мысль: Игорь никогда не чистил свой «макаров» на площадке, и не бросил бы он его без присмотра! К тому же это был не пистолет Игоря – во-первых, другого, так сказать, фасона: у «макарова» звездочка на рукояти, а здесь и рукоять меньше, и какое-то другое на ней клеймо – вроде бы лицо смазанное или бог его разберет что-то еще, не разобрать.

Откуда же тут взялся пистолет? Может быть, его Скалолазка подкинул?..

Глупости! А впрочем, кто его знает, алкоголика! Убил кого-нибудь, а орудие преступления спрятал в «надежном месте». Ум-то давно у него за разум зашел, все извилины спиртным залиты, небось у него именно такие представления о надежности мест.

Надо в полицию позвонить. А впрочем, у Ольги дома собственный полицейский, пусть он и решает, что делать!

Она подняла руку к звонку, но снова оглянулась на пистолет. А вдруг Игоря дома нет? Или он откроет не сразу? А в любую минуту на площадку должны вывалиться Мишка и его друзья. То, что они непременно вцепятся в оружие, было совершенно ясно – как говорится, и к гадалке не ходи! Поэтому Ольга достала из кармана куртки одноразовый бумажный платочек и осторожно прихватила им пистолет за рукоять, чтобы унести его с глаз долой.

Платочек понадобился, чтобы на рукоятке не осталось отпечатков ее пальцев. Все-таки она была женой мента, да и детективов начиталась немало. В самом деле, мало ли какие преступления «висят» на этом загадочном пистолете!

Ольга до сих пор помнила, как ей вдруг стало дурно, как заломило в висках и стиснуло сердце, какой судорогой свело руку, взявшую оружие!.. Наверное, это предчувствие ее осенило – предчувствие того, что произойдет уже через какие-то пять минут и сломает ее жизнь так же быстро, как человек может мимоходом сломать ветку! Осененную цветами и листьями, шумящую, благоухающую ветку – судьба ее сломает, и оборвет с нее все листья и цветы, и кору сдерет, и останется только голая, мгновенно засохшая от горя, покрытая трещинами деревяшка…

Ольга Васнецова останется.

В давние времена

Филя Березкин клялся-божился, что в городе появилась какая-то штука, которая называется «поезд». Рассказывал – и аж глаза пучил, так ему хотелось, чтобы Ольгушка в эту ерунду поверила:

– Положили на землю железяки длинные-предлинные, аж до самого Петербурга они дотянулись, а по тем железякам избушки бегут. Сидишь внутри, в окошки смотришь, а в окошках все мелькает, мелькает со страшной быстротой: то поля, то леса, то реки, то дома невиданные. А избушки бегут себе да бегут в дальние дали!

– Ну ты и скажешь, Филька! – хохотала Ольгушка. – Как же избушки могут бегать? Или у них у всех курьи ноги есть? Как у бабки-ёжкиной избы?

– Никаких курьих ног у них нет! Они на колеса поставлены, как телеги! – надсаживался Филя.

– Никогда не видела избушек, которые бы на колеса поставлены были! – ахала Ольгушка. – Охота посмотреть! Как думаешь, может хоть одна такая избушка в наше село завернуть?

– Да говорено же тебе, дурища, что они только по железякам бегают! – свысока объяснял Филя. – И не просто так бегают – людей возят. В них окошки светятся днем и ночью, а внутри люди по лавкам сидят. Впереди тех избушек бежит железный зверь рыкающий да рычащий, дымом чадящий!

– И зверь тоже по железякам бежит? – не верила Ольгушка. – А этих людей он в избушках зачем тащит? Чтобы сожрать их, что ли?

– Ох и глупа же ты, Ольгушка! – схватился за голову Филя. – Он их не собирается съесть, он их хочет в самый Петербург увезти!

– А зачем? – не унималась Ольгушка.

Филя взглянул на нее пренебрежительно, потом жалостно вздохнул над ее безнадежной тупостью и убежал.

На самом деле Ольгушка просто потешалась над Филей. Над ним все кому не лень потешались! Про эти избушки, сцепленные воедино и называемые поездом, и про дымом чадящего железного зверя по имени «паровоз» она уже слышала. Отец Каллистрат рассказывал дома.

Попадья, Ольгушкина тетка Лукерья, охала, ахала, крестилась, отмахивалась в ужасе, а Ольгушке было до того любопытно, что она как за печкой притулилась, слушая отца Каллистрата, так чуть не забыла на стол подать. Пришлось попадье на нерадивую племянницу прикрикнуть да пригрозить высечь (.у попадьи рука тяжелая, это отец Каллистрат добряк из добряков, а тетка Лукерья – ох, нравная!). Но и когда Ольгушка осторожно вынула из печи горшок с хорошо упревшей кашей, у нее перед глазами так и стояли, вернее сказать, так и бежали разноцветные избушки, называемые чудно – «вагоны», в которых можно уехать аж в самый Петербург и посмотреть там на императора с императрицей, а может быть, даже пасть к их ногам и попросить книжек в подарок. У них, чай, много книжек во дворце!

У родного Ольгушкиного батюшки (царство ему небесное, как и матушке ее родимой!) была книжка писателя Гоголя, купленная ими на ярмарке, и ничего лучше этой книжки, кото-

рая называлась «Вечера на хуторе близ Диканьки», Ольгушке читать не приходилось. Хотя, если правду сказать, других книг ей вообще не приходилось читать, тем более – про такие чудеса, которые Гоголь описывал. Это же надо придумать такое – кузнец Вакула верхом на черте летал в самый Петербург, чтобы выпросить у царицы черевички для Оксаны! А на поезде из бегающих избушек скорей вышло бы до столицы добраться или медленней, чем на черте?

Ольгушка раньше и знать не знала, что сказки-рассказки вроде тех, которыми в Курдушах бабки малолеток пугают да которыми девки на вечорках друг дружке головы морочат, можно записать да на бумаге напечатать, чтобы другие люди могли прочесть и подивиться. Ох, как же она любила эту книжку! Но когда родители ее ненаглядные в одночасье померли от черной немочи и поп с попадьей из соседнего села Берложье сироту взяли к себе в приемыши, избу Васнецовых сожгли вместе со всем добром. И книжка там же сгорела. А девочку увели в Берложье голую да босую: все с нее до последней нитки, даже крест крестильный вместе с гайтаном, в огонь бросили, и волосы ее тоже сожгли, обрив Ольгушку наголо…

Иногда ей казалось, что попадья и ее саму в огонь охотно бросила бы как ведьмину дочку да ведьмакова выкормыша, которые мало что от страшной болезни сами померли, но и всю деревню заразить могли бы. Да, на Ольгушкино счастье, отец Каллистрат вступился. Чуть ли не все Курдуши, да и Берложье заодно, против него поднялись, опасаясь, что Ольгушка может всех погубить, если в ее теле хворь поселилась, однако же отец Каллистрат был силен духом да крепок телом: он не побоялся озверелым от страха мужикам да бабам пригрозить.

– Хоть и сказано в Библии, что мужчины и женщины, кои станут вызывать мертвых или волховать, да будут преданы смерти, но Васнецовых судия вышний уже осудил, не вам тщиться ему уподобиться! – вскричал он. – Довольно того, что, подобно нецыям[1] языческим, вы отправили на небеса две несчастные души огненным путем, лишив их тела отпевания, христианского погребения и примирения с Господом! Довольно! Смертоубийства не допущу! Коли тронете девчонку, я вместе с ней в огонь брошусь, а не пустите меня, прокляну и деревню, и село навеки, церковь замкну и приход брошу. У благочинного просить буду, чтобы меня в другое место перевели, где люди не такие дурные да жестокие! Скажите спасибо, что я еще к становому не поехал, чтобы на вас донести, глупые вы разбойники! Кому угодно можете врать, будто пожар у Васнецовых сам собой вспыхнул, глядишь, несведущий и поверит, но если вы дочку их порешите, тогда уж точно всем скопом в острог пойдете!

Угроза подействовала. Народ от догорающего дома попятился… Ольгушка помнила: пламя, которое отражалось в злобных глазах, постепенно гасло, как гасла людская злоба… однако девочку никто приютить не захотел – ну еще бы, ведьмакова дочка, ведьмин выкормыш! И тогда отец Каллистрат заявил своей жене, Ольгушкиной тетке Лукерье, что Ольгушка теперь будет жить у них, и горе Лукерье, если с головы племянницы хоть волосок упадет.

– Какова ни была грешна твоя двоюродная сестра, а дочь ее – твоя кровь! – сурово изрек отец Каллистрат. – Подрастет – отдадим ее в монастырь, грехи родительские замаливать… да заодно и твои, – добавил он шепотом, уверенный, что никто, кроме тетки Лукерьи, его не слышит.

Но Ольгушка слышала. Конечно, она тогда не знала, о каких теткиных грехах говорит отец Каллистрат, однако же заметила, как та побледнела мелово, а потом взяла Ольгушку за руку своей дрожащей рукой и повела к себе домой. Баню для сироты истопила, обула-одела, накормила, однако ни слова доброго от тетки Ольгушка за всю жизнь так никогда не услышала.

Все ее детство прошло в тяжких мыслях о том, что вот-вот, со дня на день, отдадут ее в монастырь, и боялась она этого хуже смерти! Пусть тетка даже бивала племяшку (украдкой или когда отца Каллистрата дома не было), и попрекала куском, и не уставала родителей ее покойных чернить и хаять, однако же все-таки не в тесной келье девчонка жила, клобуком

[1] Нецыи – суеверы *(старин.)*.

навеки покрытая! Грехи ее родителей (если были у них грехи, у светлых душ!) со временем забылись, сельчане перестали сторониться и шпынять Ольгушку. И подружки у нее завелись, и с парнями она зубоскалила и глазами играла, и березки по рощам завивала в Русальную неделю, и на Ивана Купалу с другими девками через костры прыгала, венки плела и пускала по воде, вместе со свечками (чья первая погаснет, та девица не заживется!), и на гумно на Васильев вечер, после полуночи, между вторыми и третьими петухами, бегала – спрашивать овинника-батюшку, суждено ли кому в этом году замуж идти. Девки там задирали юбки, поворачивались голым задом к подлазу, который в ямник ведет, и ждали, как овинник потрогает. Голой рукой – замужем бедно жить придется, мохнатой – богато заживешь! Ну а если никак овинник не тронет, знать, в девках сидеть весь год, если не всю жизнь.

Ольгушу овинник никогда не трогал, но Филя Березкин однажды шепнул, встретив на вечорке:

– Ты задницу в овине понапрасну не морозь: на будущий год я тебя сватать приду!

Ольгушка сначала его на смех подняла: да какой из рыжего да конопатого Фили муж, он ведь ей ростиком до плеча, ну, может, на самый вершок повыше, а потом подумала: уж лучше за Филю замуж, чем в монастырь! И стала она будущего года ждать почти с нетерпением. Фильку она, конечно, по-прежнему от себя гоняла и всяко обсмеивала, чтоб нос не задирал, но втихомолку терзалась: отдадут ли ее замуж отец Каллистрат да тетка Лукерья, откажутся ли от мысли спровадить в монастырь? То казалось, что ежели хотели бы этого всерьез, давно уж спровадили бы, то вечно нахмуренные брови теткины да ее злобное шипенье опять наводили на самые унылые мысли…

Однако никому своего будущего не изведать, не заглянуть в него. Не стоит и пытаться!

* * *

Ольга только что вышла из ворот медицинского центра, как зазвонил телефон.

– Оля, у нас вызов в парк «Швейцария», – извиняющимся тоном сообщил фельдшер ее бригады Гриша Прохоров. – Нас через полицию вызвали, главный велел не задерживаться. Там человека деревом придавило и поранило. Понимаю, у тебя семейные дела, но… извини!

– Ничего, я уже освободилась, – вздохнула Ольга, выбрасывая в урну промокший бумажный платочек. – Жду на остановке, где вы меня высаживали, развернемся и вперед. Отсюда по проспекту до парка минут десять, а то и меньше, если с сиреной побежим.

– Судя по всему, придется с сиреной, – согласился Гриша, и сразу же Ольга услышала надрывное завывание: машина уже летела по средней полосе. Егорыч (неизвестно почему, но всех водителей со «Скорой» зовут в основном по отчеству, чуть только им за сорок перевалит) никогда не боялся гнать на пределе. Его любимым тостом на междусобойчиках районной подстанции был такой: «Свободных дорог и адекватных пациентов!»

Будущее покажет, что с дорогами им в тот день повезет, а вот с адекватностью – не слишком….

У центральных ворот «Швейцарии» их ждал полицейский. Махнул, чтобы остановились, сказал, что проедет с ними, покажет, где находится пострадавший. Забрался в салон, назвал свою фамилию и звание (старший сержант Никонов) и, пока «Скорая» виляла по дорожкам парка, пробираясь на склон, который спускался к Оке, рассказал, что сегодня, наконец, задержали преступника, который вот уже несколько месяцев рубил по ночам в городских парках сухие деревья, оставаясь незамеченным.

– На дрова, что ли? – хохотнул Егорыч, у которого слух был, как у летучей мыши: он даже с закрытой перегородкой каждое слово из салона слышал, не то что при открытой! – А чтоб тебя, заразу!

Он вдруг резко затормозил, высунулся в окно и кому-то погрозил:

– Откуда ты только взялся?! Ну чисто мышь из-под колес выскочил!

В заросли метнулся какой-то низкорослый тощий человечек в белой замызганной каскетке.

«Скалолазка?! – изумилась Ольга. – Неужели он?! Только что про него думала! Вот уж правда: вспомни о черте, а он уж тут!»

– Ой, стойте, стойте! – заблажил вдруг старший сержант Никонов. – Кажется, этот человек свой мобильник потерял на месте происшествия!

– Кто, он? – вытаращил глаза Гриша. – Да у этого бомжа отродясь никакого мобильника не было и быть не могло! Он бы его в секунду пропил! У нас его все врачи знают, правда, Ольга Васильевна?

Она молча кивнула. Горло сжимало судорогой, говорить было просто невозможно, по спине словно чья-то ледяная лапа прохаживалась.

Невозможно забыть, чему предшествовало первое появление Скалолазки на ее пути. Конечно, он тут ни при чем, он никак не мог свести с ума Игоря, и к пистолету он, конечно, не имел никакого отношения, следствие проверяло. А все-таки… все-таки страшно!

– Ну вообще-то да, наверное, вы правы, – задумчиво протянул Никонов. – Даже странно, что у такого ошлепка мог оказаться крутой сотовый! Просто этот ваш Скалолазка топтался на месте происшествия, когда мы подъехали. А потом мы нашли мобильник, с которого нас вызвали.

– Может, это телефон пострадавшего? – предположил Гриша. – Беднягу придавило, но он все же смог позвонить…

– Вообще-то он тоже мало похож на владельца «хуавэя», – хмыкнул Никонов.

– Ну и название! – фыркнул Егорыч. – Матюгальник, а не название.

– Вообще-то надо произносить «уавэй», – авторитетно заявил Гриша.

– Да хоть горшком назови! – хохотнул Егорыч.

– Ага, – согласился Никонов, – главное, что телефон классный, наш старший лейтенант на него запал. Как бы не прилип мобильничек к его рукам!

И осекся, испуганно зыркнув по сторонам: не слышал ли кто, как он свое начальство заложил?

Бестактный Егорыч захохотал, Гриша тонко усмехнулся, а Ольга, которая с трудом справилась, наконец, со своей тоской, вспомнила о деле:

– Так что там с пострадавшим? Зачем он деревья-то рубил? В самом деле на дрова?

– Просто снесет дерево, подожжет сухие ветки – и уйдет, – сказал Никонов.

– А зачем? – изумился Гриша.

– Да бес его знает, – пожал плечами полицейский.

– Не поминайте нечистого всуе, он только и ждет этого, чтобы к человеку привязаться и сбить с пути истинного, – изрек Гриша.

Полицейский вытаращил глаза, Егорыч обернулся и подмигнул Ольге, которая вяло улыбнулась: ее фельдшер был человеком воцерковленным, а потому любил иногда завернуть чего-нибудь этакое, над чем Егорыч никогда не преминывал похохотать и откровенно называл все это бредом.

Вообще можно себе представить, как бы он хохотал, если бы Ольга завернула что-нибудь из того бреда, который так и рвался у нее с языка! Хотя, наверное, Егорыч сделал бы ей скидку на недавнюю трагедию. Кстати, именно после нее в голову стало лезть всякое… невесть что…

Например, несколько дней назад, когда Ольга стояла на крыльце своей районной подстанции «Скорой помощи» и ждала выезда, она увидела, как в траве у забора что-то слабо мерцает.

«Неужели светлячок? – изумилась она. – В городе – светлячок?»

Шагнула было туда, чтобы разглядеть получше, но в эту минуту из гаража выехал Егорыч, включил фары – и чудесное мерцание в их свете растворилось. А у Ольги в голове кто-то будто прошептал: «Светящихся червячков-светлячков считают душами кающихся грешников».

С чего бы это? Вроде и не с чего!

А недавно, когда Ольга стояла под тепленьким слабеньким душем (мыть волосы горячей водой ей было пока запрещено, да и чего там мыть-то, господи?!), кто-то словно бы пробормотал: «Горох раскидывают по углам или бросают в печь для душ умерших: говорят, голодные души с плачем ходят по дому, где забыли этот обычай».

Но это еще ничего! А как насчет такого вот мыслительного выверта? «Некоторые люди говорят, что, если кто-то страдает чахоткой, надо ему зарезать корову и лезть по брюху ее до горла – и тогда уйдет болезнь. Правда, неизвестно, пробовал ли кто на себе это средство или нет».

Ну вот к чему это?! Может, права подруга Надюш- ка, которая уверяет, что Ольге пора бросить «Скорую», пока окончательно с ума от этой «психической работы» не сошла? Мало ей, дескать, того, что с ней случилось? Ведь к ней не только физическое, но и душевное здоровье после той истории с прыжком из окна с трудом вернулось!

– Неужели ты не понимаешь, что работа меня отвлекает от того, чем стала теперь моя жизнь? – сухо ответила тогда Ольга, и Надюшка, сочувственно всхлипнув, посоветовала на худой конец вернуться из реанимации в линейную бригаду – там-де поспокойней.

Да как сказать! Там постоянной суеты гораздо больше, чем у реаниматологов, где, как выразился бы Егорыч, сам песец в двери иногда ломится. Но не только потому Ольга туда не вернется, что шило на мыло без толку менять. Просто от этой заразы – привычки во что бы то ни стало спасать людей от смерти – уже не излечиться. Призвание, что ли?..

Да запросто!

Причем странным образом за этих людей, которых ей предстояло выдергивать с того света, Ольга чувствовала особую ответственность. Не то чтобы ей были безразличны те, к кому ее вызвали во время работы в линейной бригаде, однако теперь она готова была реанимировать людей, как это называлось на их циничном сленге, «до трупных пятен» и за жизнь каждого готова была драться не только в фигуральном, но и в буквальном смысле слова.

Особенно за тех, кто падал с высоты…

Вообще, если подумать, создавалось впечатление, будто каждый, кто падал или бросался с верхних этажей или крыш, с мостов или даже башенных кранов, непременно выжидал, когда наступит время дежурств Ольги Васнецовой. Странная закономерность, конечно, однако еще более странным казалось именно то, что почти всех этих людей ей удавалось довезти до больницы живыми. Может быть, именно их благодарные души и помогли ей спастись от смерти, когда она сама бросилась с пятого этажа? Вопрос только, была ли она благодарна за спасение…

Тем временем «Скорая» подъехала к обрыву над Окой. С этой стороны реки все выглядело весьма живописно (парк не зря назвали «Швейцарией»!), а с противоположной открывались исключительно индустриальные пейзажи, на которые даже смотреть не хотелось.

Впрочем, времени на осмотр пейзажей уже не было: около срубленного сухого ствола неподвижно лежал на спине человек с окровавленной головой. Руки его были заломлены назад и схвачены наручниками, поэтому он находился в какой-то странной, выгнутой позе.

В стороне стояла патрульная машина.

Один полицейский, совсем молодой, с явным беспокойством склонялся над лежащим, второй, лет тридцати, отошел от него и встал в стороне, уткнувшись в телефон весьма эффектного и, сразу ясно, дорогостоящего вида.

«Старлей и уавэй», – подумала Ольга.

– Это вы его так приложили? – глядя на окровавленную голову пострадавшего, непочтительно хмыкнул Егорыч, который никогда не оставался в стороне от того, чем занимались врачи: всегда находил повод не помочь, так позубоскалить.

– Что вы такое говорите! – возмутился молодой полицейский. – Он сам себя деревом приложил! Посмотрите, вон ствол в крови.

В самом деле, по сухому, побелевшему, с ободранной корой стволу расплывалось кровавое пятно.

Ольга шагнула вперед, наклонилась над лежащим мужчиной. Глаза его были крепко зажмурены, скуластое лицо залито кровью, черные крутые брови сведены в переносице, губы искажены гримасой, но он был жив, жив… пока. С Ольгой часто случалось, что она, еще даже не начиная нащупывать пульс или улавливать дыхание пациента, чувствовала: этого человека на земле больше нет и вернуть его невозможно. Тело осталось, но это всего лишь пустая оболочка. Конечно, речь не идет о трупе, пролежавшем столь долгое время, что отсутствие жизни в теле видно даже неспециалисту. Однако насчет успеха или неудачи реанимации Ольга не ошибалась почти никогда.

Сейчас она чувствовала: человек жив, но положение очень тяжелое. Тут не сотрясение – тут отек мозга, а еще плохо то, что пострадавший лежит раной вниз на грязной земле – недавно прошли дожди, и парковые тропки изрядно развезло.

– Егорыч, давай носилки, – сказала Ольга. – Гриша, надо ему голову перевязать.

Повернулась к молодому полицейскому:

– Вы что, не видите, у человека открытая рана на голове, а он у вас в грязи лежит. Давайте-ка тихонечко приподнимем его, ну и наручники снимите, только осторожней.

– Да я хотел снять, – едва слышно шепнул парень. – А товарищ старший лейтенант рассердился. Пусть, говорит, валяется эта падаль. И еще…

Он испуганно умолк, но Ольга проследила направление его взгляда и увидела, что бока связанного человека покрыты грязными рубчатыми пятнами.

Да ведь это отпечатки тяжелых ботинок! Старлей пинал пострадавшего, что ли?!

Нет, не может быть такого!

– Неужели это вы постарались? – недоверчиво повернулась к старлею Ольга.

– Знаете, сколько он уже накуролесил? – хмуро бросил он, по-прежнему глядя то на телефон, то за реку, словно выбирая кадр удачней. – Не меньше десятка деревьев срубил по разным паркам! Вот и получил по заслугам.

Ольга пожала плечами, осторожно ощупывая шею мужчины, чтобы понять, есть ли повреждения позвонков.

– Насколько я поняла, он рубил сухостой. Помогал, можно сказать, коммунальным службам.

– Не только рубил, но и поджигал! – рявкнул полицейский. – В парки приходилось даже пожарных вызывать!

Вдруг бледные губы раненого слегка шевельнулись и он едва слышно прошептал:

– Сухая лиственница жизнь из людей высасывает, ее надо непременно срубить и сжечь, не то многие погибнут!

– Ух ты! – хором выдохнули Никонов и молоденький полицейский.

– Пациент скорее жив, – резюмировал Егорыч, Гриша перекрестился, а старший лейтенант оторвался от телефона, резко повернулся и взглянул на лежащего с такой ненавистью, что его красивое, с правильными чертами, загорелое лицо исказилось.

Видно было, что он с трудом удерживается, что бы не выругаться, а то и не броситься на скованного человека.

Вот теперь Ольга поверила, что старлей и в самом деле пинал этого древоруба!

– В чем дело, товарищ старший лейтенант? – холодно спросила она. – Служебное рвение покоя не дает? Если у этого человека к отеку мозга добавится еще и сепсис, а также переломы ребер, я напишу докладную вашему начальству и обвиню вас в умышленном неоказании помощи пострадавшему. Снимите с него наручники, да побыстрей, только, повторяю, осторожно. Пожалуйста.

Последнее слово она еле выдавила, но с охранниками правопорядка политес приходится соблюдать… воленс-неволенс, как говорил преподаватель латыни в их медучилище, всякий раз уточняя, что цитирует не какого-нибудь классика римской империи, а Остапа Бендера, вернее, Ильфа и Петрова.

Очень яркие зеленые глаза лейтенанта словно вцепились в глаза Ольги – ух, сколько в них было ненависти, по спине даже дрожь прошла! – однако она не отвела взгляда, а сунула руку в карман робы и достала свою «Нокию»:

– Или *вы* снимете наручники сию минуту, или *я* сниму вас на сотовый и немедленно выложу эту фотографию в Интернет, а заодно отправлю на сайт городской полиции.

Старший лейтенант, чуть оскалясь от злости и сжав пресловутый уэвэй в кулаке, резко шагнул к Ольге, и та вдруг отчетливо почувствовала, что полицейский сейчас бросится на нее.

Тоже сжала «Нокию» в кулаке покрепче.

«Первым делом в глаз, потом по носу, потом коленкой в пах!» – мигом выстроился в голове необходимый алгоритм самообороны без оружия, но по обе стороны от нее уже возникли Гриша и Егорыч.

Никонов и молоденький полицейский переглянулись с явным замешательством, однако смыкать ряды с начальством не спешили.

– Никак охренели, товарищ старший лейтенант? – пробурчал Егорыч, почесывая голову невесть откуда взявшейся монтировкой.

Якобы исключительно за этим делом он ее и выхватил мгновенно из кабины так стремительно, а охреневший старлей тут вообще ни при чём!

В это мгновение лежащий на земле человек резко шевельнулся и что-то прошептал.

Лейтенант перевел на него взгляд, оскалился еще злее – и пошел к патрульной машине, бросив угрюмо:

– Климко, наручники сними с этой твари.

Молодой полицейский, красный, как окантовка его погон, торопливо выхватил из кармана ключик и разомкнул наручники.

– Документы у пострадавшего были какие-нибудь? – спросила Ольга.

Климко покачал головой.

– И вы ничего не нашли, товарищ старший лейтенант? – с невинным выражением осведомилась Ольга.

Ответа она, впрочем, не была удостоена: в патрульной машине зазуммерил радиовызов.

– Поехали, – махнул рукой старший лейтенант. – Нечего здесь дрочить на эту суку.

И, помахав Ольге и мстительно ухмыльнувшись, он сел в автомобиль, так и не выпустив из рук чужого телефона.

Егорыч перестал чесать голову монтировкой, Гриша рванулся вперед, однако Ольга успела схватить их за руки:

– У нас пострадавший! Не до всяких феллаторов!

Гриша тихо ахнул. Егорыч покосился вопросительно. А Ольга пожалела, что агрессивный старлей не учился в медучилище. Ведь словечко «феллатор», кое в вольном переводе с латыни означает «членосос», способно кого угодно достать!

А впрочем, ну их всех. Особенно агрессивного старлея – ну!

Полицейские тем временем торопливо усаживались в патрульную машину, изо всех сил стараясь не глядеть на бригаду «Скорой».

– Ишь, как лейтенантика заколдобило, – хмыкнул Егорыч. – Аж про протоколы забыл! А что ты такое сказала, Ольга Васильевна, насчет этого… фел… как там?

– Тебе Гриша потом переведет, это не для моих нежных уст, – рассеянно пробормотала Ольга, снова склоняясь над пострадавшим. – Гриша, воротник для шеи давай – и грузим пациента. Быстро поехали, с такой раной мы его не реанимируем своими убогими силами.

Осторожно положили раненого на носилки, осторожно втолкнули их в салон.

– Погнали, погнали, Егорыч, – крикнула Ольга. – Гриша, маску кислородную, лед, противошоковые, лазекс, глюкозу…

И осеклась. Бледные губы незнакомца дрогнули, исторгнув едва слышное:

– Не бойся, страж высоты! Никто меня победить не может, только мугды!

Изо рта у него вдруг пошла пена. Неужели поганец старлей, пиная, легкое ему повредил?..

Ольга торопливо смочила ватный шарик спиртом, приложила к его губам: спирт гасит пену, а то как бы не захлебнулся, голову-то ему не наклонишь, по-прежнему неведомо, что там с его шейными позвонками!

– Чего это он сказал? – спросил Гриша, держа наготове кислородную маску.

– Про высоту и еще какую-то мутуту, – хихикнул охальник Егорыч.

Гриша чистоплотно сморщился:

– Бредит, наверное.

– Лед давай к голове, говорю же! – прикрикнула Ольга. – А ты, Егорыч, угомонись, понял?

– Извиняйте, Ольга Васильевна!

Ну, «древоруба» с отеком мозга и веткой в груди довезли живым, причем ему повезло – как раз дежурила по «Скорой» Центральная больница, где не столь давно лечилась Ольга, а там реанимация великолепная, есть даже отделение ГБО[2] с несколькими барокамерами. Это небольшие герметично закрывающиеся капсулы, в которых создается давление выше или ниже атмосферного. В барокамере отечный, распухший мозг постепенно сжимается, ткани насыщаются кислородом. Оксигенобаротерапия для многих, в том числе и для этого древоруба, – реальный шанс выжить!

Сдали пострадавшего с рук на руки специалистам в Центральной больнице и поехали на подстанцию. В их услугах пока потребности не было. Правда, какая-то патрульная полицейская машина врезалась в трейлер: двое патрульных отделались легкими ушибами, один погиб на месте, так что реаниматологам звонить было бессмысленно, сразу вызвали труповозку.

Часа два отдыхали, а потом отправились по требованию линейной бригады на инфаркт.

В давние времена

Ольгушке сравнялось семнадцать, когда случилось вот что.

Отец Каллистрат отправился в город к благочинному, на какой-то сход губернских священников. Ольгушка приуныла: без мужниного окороту да одергиваний тетка Лукерья обычно расходилась – хуже некуда: племянницу поедом ела и продыху никакого не давала, столько работы на нее наваливала. И думать не моги на вечорку сбегать или просто выскочить с подружками у плетня позубоскалить! Но тяжелее всего приходилось Ольгушке, когда тетка Лукерья начинала мать ее покойную, сестру свою двоюродную, и мужа ее клясть самыми ужасными словами и уверять, будто они, пока живы были, чуть не полдеревни перепортили своим колдовством.

– Чего они только не натворили, какого только зла не содеяли! – зудела тетка Лукерья. – Закапывали под дикой грушей при убывающей луне горшок с горохом и наводили этим порчу

[2] ГБО – гипербарическая оксигенация – метод лечения поврежденных тканей насыщением их кислородом под повышенным давлением.

на Прова Калинова: да будет у него столько чирьев, сколько в горшке горошин! Так и сжили со свету: сгнил от тех чирьев заживо. А Катюху Митриеву муж ее Петька загрыз!

– Как загрыз? – в ужасе спрашивала Ольгушка.

– Да так же, как волки загрызают! – злобно отвечала попадья. – Петька с артелью в город ходил, да однажды все заработанное артельщиками пропил. И как начал, так и остановиться никак не мог – каждый день пил! Пришла Катюха к матери твоей, Груньке, за какой ни есть травой лечебной, а Грунька и говорит: вода, дескать, которой покойника обмывали, считается лучшим средством от запоя. А тут как раз возьми да помри кто-то в соседней деревне… уже не припомню, кто именно, да только Катюха раздобыла той воды, которой усопшего обмывали, и наварила на ней мужу каши. Он как начал эту кашу наворачивать! Целый горшок сожрал, потом съел все, что было в доме, кадку капусты, кадку огурцов соленых, и мясо сырое съел, а потом и Катюху загрыз.

– А тетя Агафья сказывала, что он ее удушил спьяну, а не загрыз! – кричала возмущенно Ольгушка.

– Все одно по наущению Грунькиному! – отмахивалась тетка Лукерья.

– Да ведь всякий пьяница душу запродает врагу рода человеческого! – отчаянно спорила Ольгушка. – Он прислужником диавола становится, его воли исполнителем! При чем же здесь моя матушка?!

Тетка Лукерья, впрочем, слушать ее не слушала, а продолжала:

– А еще, помню, приехал к ней какой-то посторонний человек: мол, слух о ней, Груньке-ведьме, да муже ее, Ваське-ведьмаке, дошел аж до города, вон он и приехал к ним мастерству учиться. А им жалко было секретами своими делиться. Ну, твоя мать и послала его в полночь жарить в бане кошку, а защищать ту пришли другие кошки и загрызли бедолагу до смерти.

– Не было! Не было этого! – в отчаянии восклицала Ольгушка. – Слухи пустые, кои злыми людьми распускаются! Матушка только болезни заговаривала: отнесу, дескать, хворь в пустые леса, прогоню в пустые поля, на каменья, где люди не живут, где петухи не поют, где лягушки не квакают!

– Да-да, – ехидствовала тетка, – а для того, чтобы хворь куда-то отнести, твой отец и вызывал всяческих духов, рогатых и косматых! Курдушей вызывал! Они ко всякому колдуну приставлены с тех пор, как тот с дьяволом договор заключает! Оттого и деревня ваша Курдушами названа. Видать, еще в старые времена колдуны тут жили, которым служили курдуши!

– Отчего же тогда эти курдуши за отца с матерью моих не вступились? – заливалась слезами Ольгушка. – Отчего позволили им страшной смертью помереть?

– А мне почем знать? – пожимала плечами Лукерья.

– Да оттого, что никаких курдушей у них не было! – задыхалась от рыданий Ольгушка. – Если бы они были, я их тоже видела бы! А я не видела!

– Врешь! – грозила пальцем Лукерья. – Не могла ты их не видеть. А сейчас врешь, чтобы родителей выгородить, да поздно! Как думаешь, почему их пожгли мертвых? Почему не стали хоронить, как добрых людей хоронят?

– Потому что умерли они от черной немочи, когда от деревни нашей ее отвадить пытались. Отвадить-то отвадили, да сами погибли! – убежденно говорила Ольгушка.

– Да ты из них, никак, святых мучеников сделать задумала? – хохотала тетка Лукерья. – Не выйдет! Неужто не знаешь, как пожар содеялся?

– Люди его запалили, чтобы зараза наружу не вышла, – рыдала Ольгушка. – Оттого и меня едва не бросили в огонь – думали, что я тоже черной немочью поражена.

– Это Божий перст поразил ведьмин дом! – злилась тетка. – Огонь по вышней воле сам собой разгорелся! Кому об этом знать, как не мне? Когда несколько дней никто из вашей избы не выходил, а потом услышали люди твой плач, то послали за мной, за ближайшей родней Грунькиной. Каллистратушки в ту пору дома не случилось, он позже приехал. Не сразу отва-

жились со мной еще несколько человек в избу вашу войти. Поглядели мы на мертвых, но не поверили, что сражены они черной немочью, потому что лица их были розовыми и свежими, будто у живых, будто и не пять дней назад они померли, а вот только что. Известное дело, такое только с колдунами бывает! Хоронить их в земле нельзя, даже в жальник[3] нельзя сбросить – непременно будут по ночам упырями шастать да невинных заедать! Только собрались мы осиновыми колами тела пронзить, да тут вдруг выскочил из печки уголек. Мы и не заметили сначала, а когда спохватились, пожар уже разгорелся. Мы едва выскочить успели, а тебя подоспевший Каллистратушка вытащил и не дал спалить! А зря, зря!

Ольгушка слушала эту страшную историю много раз и всегда спрашивала:

– Но если прошло несколько дней с тех пор, как отец и матушка померли, значит, печку никто не топил? Некому ее было топить! Как же мог уголек из нее выскочить?!

Сначала тетка Лукерья при этих словах терялась, отводила глаза, потом отговаривалась тем, что это Ольгушка печку растопила неумело, уже больная, не соображая, что делает, однако все чаще грозно выкрикивала страшные слова про Божий перст, который воспламенил избу греховодников. А когда Ольгушка начинала спорить, тетка Лукерья набрасывалась на нее и бивала всем, что попадалось под руку. Оттого Ольгушка отъездов отца Каллистрата, заступника своего, боялась до смерти!

А тут еще эти следы под окошком…

На другой день после отъезда отца Каллистрата вышла Ольгушка чуть свет скотину покормить и, возвращаясь, видит под окошками какие-то странные следы на земле. Напоминали они куриные, но кур на ночь всегда запирали, к тому же были эти следы гораздо больше куриных. Смотрела на них Ольгушка, смотрела, гадала, какая же огромная птица могла их оставить, не порушив своими крыльями все вокруг, как вдруг вспомнила, что говорят люди о следах, которые появляются в Великий четверг на Страстной неделе перед Пасхой. В этот день с утра православные жгут солому и окликают при этом по именам своих родных покойников, поминают их едой и питьем, топят баню, сыплют золу на пол и призывают: «Мойтесь!» А наутро можно увидеть на золе следы, похожие на птичьи: следы навий. Навьи – это духи мертвых: они обитают в мире своем недвижимыми, но откликаются на мысли о них, а поминки – это ведь воспоминание о мертвых, поэтому неудивительно, что следы навий возникают именно после поминок.

Слышала Ольгушка также, что если до сорокового дня со смерти какого-то человека испечь блинов и выставить их на окно на ночь, то можно накликать покойника, который придет из свежей могилы блинов отведать.

Однако вот какая закавыка: Великий четверг давно миновал, покойников в доме отца Каллистрата, по счастью, не было, блины для них никто не пек и на окошко не выставлял… да и вообще давненько не хоронили никого ни в Курдушах, ни в Берложье, ни в других окрестных деревнях.

Видать, случайно забрели чужедальние усопшие на поповское подворье! Перекрестилась Ольгушка, взяла метлу – замести следы, чтоб неповадно было вновь шастать сюда опасным прохожим, – и вдруг видит, что из окошка высунулась тетка Лукерья и глаза на эти странные следы так и вытаращила! А сама белая вся, ну чуть ли не впрозелень!

Испугалась, конечно. Известно ведь: покойники могут приходить по ночам, чтобы выместить злобу на немилых соседях, особенно на тех, кто поминает умерших недобрым словом! Нашлось бы немало навий, которые явились бы свести счеты с попадьей, ибо она не только об Ольгушкиных отце с матерью, но и о других, что живых, что мертвых, вечно злословила.

– Я сейчас замету, замету поганые следы, тетенька, не бранись! – поспешила успокоить попадью Ольгушка, однако та лишь головой покивала задумчиво, глаз со странных следов не

[3] Так в старину называли придорожные ямы, в которые сбрасывали тела умерших без отпевания.

сводя, а потом… а потом вдруг улыбнулась, вздохнула так, словно камень с ее души упал, – да и затворила окошко.

С тех пор тетку Лукерью будто подменили: Ольгушку она больше не шпыняла ни тычками, ни словесно, да и вообще в ее сторону почти не глядела, а когда глядела, то словно и не видела, будто и нет ее, все какими-то своими мыслями была занята – видать, приятными, потому что улыбка (невиданное прежде явление!) то и дело блуждала по ее вечно хмурому и неприветливому лицу…

«Что за чудеса? – изумлялась Ольгушка. – Что же это творится такое? Что с ней содеялось?» Однако ответа пока не находила.

* * *

Этот дядька – типичный «настоящий полковник»! – нипочем не желал верить, что у него инфаркт, пыхтел на жену, которая вызвала «Скорую», врача из линейной бригады довел чуть ли не до слез, а потом вдруг начал помирать. Тут и вызвали реанимацию – или на спасение, или на «отпустить».

Ольга помнила, что, когда еще только начинала работать на «Скорой», чуть ли не шелест ангельских крыл слышала, когда входили реаниматологи. Линейная бригада сразу буквально по стенам размазывалась, чтобы не мешать: только глазела на них затаив дыхание.

Теперь и на Ольгу так же глазеют. И это понятно! Ведь за реаниматологами больше ничего нет – только последняя дверь, последняя ступенька, последний порог. Это они решают – производить какие-то воскрешающие пациента действия или «открыть форточку». А когда кто-то говорил, что это выражение – вульгарный профессионализм, Ольга всегда поправляла: это никакой не медицинский жаргон – это старинный русский обряд: распахнуть фортку или окошко, чтобы душа умирающего свободно отлетела, чтобы тому, кто страдает, легче было умереть.

Ольга не знала, откуда это знала. Откуда-то!

Может, из прошлой жизни?

Довольно потертая и замызганная фраза, однако Ольга просто не могла иначе объяснить, почему в ее голове живут какие-то слова и выражения, которые она вроде бы не могла и не должна была знать. Или где-то набралась, как барбоска блох, только вот где?.. У нее не было бабушки в деревне, у которой Ольга могла бы пополнить свой словарный запас. Она была детдомовская безродная девчонка… правда, много читавшая, очень много!

Игорь, который читал еще больше ее (у Шмелевых была огромная библиотека, собранная еще отцом Владимира Николаевича!), говорил, что всем лучшим в себе он, совершенно как Максим Горький, обязан книгам. «Но и всем худшим, – добавлял, смеясь, – тоже!»

Игорь, Игорь, Игорь!..

Надюшка, которую три года назад очень подло бросил муж (сразу после рождения дочки он резко объелся груш, как только понял, что новорожденный ребенок кричит по ночам, требует неустанных забот не только от матери, но и от отца, и жизнь семьи с ребенком – это совсем не то, что жизнь как бы вечно влюбленных красавца и красавицы, тем паче, что красавицу разнесло поперек себя шире, да и молоком она вечно пахнет… оказывается, Надюшкин муж был искусственник и страдал аллергией на запах материнского молока!), после развода даже не вспоминала о нем. Сказала, что разлюбила его, как только поняла, что он жестокий подлец, а она не может любить подлеца. И многозначительно поглядывала при этом на Ольгу, как бы намекая, что та должна разойтись с Игорем, потому что нельзя любить убийцу.

Наверное…

Но что же ей делать, если она не переставала любить его ни на миг? Ужас пережитого постепенно угасал, и Ольга все чаще думала, что Валентина Петровна, очень может быть,

права. Наверное, Ольга и в самом деле чем-то *достала* мужа, если он не выдержал и начал стрелять в нее, как только в его руках оказался пистолет.

Но чем же именно она его достала и почему ему и в голову ни разу не пришло выстрелить в нее раньше – из собственного табельного оружия? А из этого пистолета – пришло…

Объяснение могло быть только одно: как раз перед тем, как Ольга вернулась домой, Игорь что-то узнал о ней. Узнал такое, что совершенно сошел с ума и просто не смог сдержаться.

Но что же именно он узнал? Что?!

– …Оля, мы тогда поехали?

Ольга вздрогнула, глядя на Люсю, врача линейной бригады, которая еще оставалась в квартире «настоящего полковника».

– Ты о чем?..

– У нас вызов.

– Конечно, поезжайте. Счастливо, ребята.

– Да делайте же вы что-нибудь! – закричала в эту минуту жена инфарктника. – Он умирает! Умирает!

Ничего, обошлось. Инфарктника к жизни вернули, причем даже без жутких приемов вроде прекардиального удара и дефибрилляции. Настало время везти его в больницу… но квартира находилась на пятом этаже хрущевки без лифта. А спускаться ему самому никак нельзя! Больной рвался идти своими ногами, не желая слушать запретов врачей, как будто у него не только инфаркт, но и инсульт, причем мозг уже поражен безвозвратно. То есть вообще никаких разумных доводов не слушал! Жена тогда в полном уже отчаянии закричала: «Витя, если пойдешь сам, я тебя внизу встречу, из окна брошусь!»

Только после этого «полковник» Витя притих. Согласился, чтобы несли.

А как? Мужик он оказался реально большой, тяжелый не только в смысле болезненном, но и в физическом. Побегали по соседям – большинство на работе, дома оставались всё какие-то хилые старушки или немощный детсад. Ладно. Положили на носилки, подняли – Витя в крик, в мат. Боится лежать на спине, сердце к горлу подкатывает.

Иногда бывает, это Ольга знала, сердечникам невозможно на спине лежать, а тут еще и стресс, и характер.

Тогда Гриша и Егорыч посадили «полковника» на стул, взялись за его ножки, сама Ольга и жена строптивого Вити – за спинку… так и понесли.

«Полковник» им по мере сил помогал, матерясь безудержно и цепляясь за перила. Ладно хоть не носильщиков за руки хватал!

Спустились, наконец, тормозя и устраивая привалы на каждой площадке, положили Витю в салон. Но он не мог не выпендриться напоследок: запретил жене со «Скорой» ехать.

В общем-то, правильно сделал: она изнемогла, бедная, давление подскочило, пришлось Грише ее прямо у подъезда колоть.

На счастье, тут примчалась на машине дочь «полковника» (она в Дзержинске работала, потому и опоздала), занялась мамой, пообещала ее сама в Центральную привезти, когда ей получшает, – ну, худо-бедно бригада реаниматологов наконец-то отчалила.

Пациент притих, как только Егорыч сирену включил. Конечно, теперь нервы мотать некому стало, жены нет рядом, вот он и заскучал.

Только отъехали – Ольге на мобильный позвонила Люся с линейной «Скорой». Та самая, с которой только что простилась. Криком кричит:

– Олечка, приезжай, Бога ради! У нас Скалолазка умирает… умирает!

– Какая скалолазка? – рассеянно спросила Ольга, потуже перетягивая жгутом руку «полковника»: вены у него были плохие, с первого раза трудно попасть, да еще при движении машины.

– Не какая, а какой! Тот самый Скалолазка, который в татуировке весь! Ну, из бомжатника!

– Да не может быть, – пробормотала Ольга. – Ты ничего не путаешь? Мы его пару часов назад в «Швейцарии» видели.

– Ну а сейчас он умирает! – вдруг зарыдала Люся.

Ольга вздохнула.

Люся работала на «Скорой» недавно, каких-то пару месяцев, – наверное, это ее первый труп. Невозможно подготовиться к первому умершему пациенту. Не важно, твоя собственная ошибка или нет… Хорошо, что это омерзительный Скалолазка, которого Люся скоро забудет, а не девушка, выпившая уксус от несчастной любви и умирающая в страшных муках!

– Люся, у нас больной с инфарктом, ты что, забыла? – тяжело вздохнула Ольга.

И как только она это сказала, у «полковника» Вити случился сбой сердца: колотилось оно, как пташка, не могло прокачивать кровь – словом, наступило то, что называется фибрилляцией, нескоординированным сокращением волокон сердечной мышцы. И приходит клиническая смерть…

А там, в трубке, рыдала Люсенька: у Скалолазки, мол, клиническая смерть!

Ольга понимала, что с ним сейчас произошло: наступил отек мозга из-за тяжелейшей алкогольной интоксикации. А мозг человеческий находится – прописная истина! – в черепной коробке. Это ведь кости, крепкие кости, а не резина! Они не могут расширяться при увеличении их содержимого. Они сдавливают мозг до нестерпимой боли, до потери сознания – и человек умирает.

– Оля, приезжай! – истерически вопила Люся.

А у Ольги тут у самой пациент с клинической смертью! И она вспомнила, что ей сказал один старый доктор – давно, когда она самые первые дни на «Скорой» работала еще фельдшерицей и они вместе оказались вот у такого алкаша, подобия Скалолазки, которого невозможно было реанимировать, как они ни старались. Тот врач сказал:

– Он всю жизнь к этому шел – к этому самоубийству. Отпусти его. Пусть дальше один идет.

Ольга прокричала это Люське слово в слово и отшвырнула мобильник. А Гриша уже с дефибриллятором наготове:

– Проводим? Ольга, проводим?!

– Да! Разряд! – крикнула она, поворачивая рукоятку синхронизатора, и «полковник» Витя, содрогнувшись, ожил на глазах – ну как в кино!

Нет, даже круче, чем в кино, потому что он не просто открыл глаза, но буквально их выпучил, облизнул пересохшие губы, приподнялся и… никто и ахнуть не успел! – вдруг выдернул из вен иглы, выкрикнул что-то нечленораздельное, бросился вперед и вцепился Ольге в горло.

…Игорь, Игорь, да неужели это Игорь?! Ольга глазам не поверила, увидев мужа совершенно здоровым! Он медленно шел к их дому на улице Дунаева, держа за руку девочку лет трех.

«Кто это? – удивилась Ольга. – Ну надо же, такая же кудрявенькая, как я. Тоже ярочка! Чья же это дочка? Надюшкина Асенька постарше, и у нее косички. У друзей Игоря вроде бы все сыновья…»

Вдруг малышка запищала, жалобно уставилась на Игоря, и тот легко подхватил ее на руки:

– Что случилось?

– Боюсь! Боюсь!

Девочка испуганно смахнула что-то с рукава платьица.

– Да ведь это просто муравей! – засмеялся Игорь. – Смотри, он еще больше, чем ты, перепугался. Вон как улепетывает! Со всех своих шести ног!

Игорь спустил девочку на землю, присел рядом на корточки, и они вместе принялись разглядывать этого муравья, который и в самом деле мчался к спасительной траве.

– Он упал? – всхлипнула малышка. – Я его сбросила! Он ударился? Ему больно?

– Нет-нет, – успокоил ее Игорь, осторожно поглаживая по мягким кудряшкам. – Конечно, он упал с очень большой высоты! С огромной! Но на самом деле он не упал, а мягко опустился на землю. Это называется – спланировал. Он слишком легкий для того, чтобы разбиться. Он даже не почувствовал удара. Нам кажется, что воздух легкий и прозрачный, а для крошечного муравьишки воздух очень плотный. Он как бы держит его крошечное тельце и помогает ему осторожно опуститься на землю. Видишь, как быстро он побежал? Значит, ему совсем не больно!

– Это хорошо, – сказала девочка очень серьезно, и Ольга не выдержала – засмеялась. Игорь почти слово в слово повторил то, что она прошлым летом вычитала в каком-то журнале и рассказала мужу. Он повторил даже ее ласковые, «детские», как он это назвал, интонации!

– Ты со мной разговариваешь, как с ребенком! – усмехнулся тогда Игорь.

– Я тренируюсь, – объяснила Ольга. – Когда у нас родится ребенок, я буду с ним разговаривать именно с такими интонациями. Чтобы ему было еще интересней то, что я говорю, и еще понятней.

Игорь взглянул настороженно:

– Когда у нас родится ребенок?.. А ты… ты уже?

– Нет, я еще! – покачала головой Ольга.

Она сама себе не доверяла: цикл у нее был неравномерный, иногда задержка «на пустом месте» случалась месяца на два, именно поэтому она не имела представления о том, что беременна, когда нашла на лестнице тот проклятый пистолет и принесла его своему мужу.

Проклятый, да, проклятый… Из-за него Ольга лишилась ребенка. Он был еще так мал, что пол его было невозможно определить. Так сказали врачи. Поэтому Ольга даже не знала, кто у нее родился бы, мальчик или девочка.

И вдруг ее словно толкнуло что-то в сердце! Эта голова в хорошеньких кудряшках… вспомнилась ее собственная детдомовская фотография… Ольга внимательней взглянула на девочку. Эти волосы, эти удлиненные серые глаза с ярким черным ободком вокруг радужки, эти брови домиком… точно такие же на той фотографии у самой Ольги. А прямой изящный нос, длинные ресницы и очень четко вырезанные темные губы – это от Игоря.

Что? Что это лезет в голову?! Она что, решила, будто это девочка – их дочь? Их так и не родившаяся дочь?!

Нет, она ведь умерла. Как же Ольга может ее видеть?!

Она метнулась к малышке, протягивая руки, но не смогла дотронуться до нее. Девочка на нее даже не взглянула, хотя руки Ольги словно бы прошли сквозь ее тело.

Призрак, это призрак, это несбывшаяся мечта!

Ольга повернулась к Игорю, который, казалось, не замечал ее, осторожно простерла к нему руки… она даже ощутила кончиками пальцев тепло его тела, однако он отшатнулся, повернулся к жене, и та увидела ужас в его устремленных на нее глазах.

У Ольги сжалось сердце. Как давно, как давно, как бесконечно давно она не видела этих глаз – невероятных, удивительных, бесконечно любимых! С того зимнего дня, как рухнула их жизнь, под обломками которой оказались погребены они оба, глаза Игоря были закрыты. А сейчас он смотрит, смотрит на нее! Но почему в этих черных глазах нет любви, почему в них только страх?

– Оля, уходи! – крикнул Игорь, задыхаясь от волнения. – Беги отсюда! Возвращайся туда, откуда пришла! Иначе ты уйдешь так же далеко, как ушел я, – и не сможешь вернуться. Беги, говорю тебе, беги!

– Идем со мной, идем, – бормотала Ольга, снова и снова пытаясь схватить мужа за руку, но он отстранялся снова и снова. – Вернись ко мне! Я люблю тебя, мне так плохо без тебя!

– И я люблю тебя! – воскликнул Игорь с такой тоской, что у Ольги перехватило дыхание. – Я люблю тебя больше жизни, больше жизни, понимаешь? Прости меня! Прости за то, что я сделал!

– Я простила, простила, – задыхалась Ольга. – Я все простила! Вернись!

– Нет, нет! – качал головой Игорь. – Уходи! Если ты коснешься меня, то останешься здесь. Если ты коснешься меня, то я вернусь, а ты останешься, понимаешь? Прощай!

Он подхватил девочку на руки, резко отвернулся и почти побежал прочь. Малышка уткнулась в его плечо, не взглянув на Ольгу, – только, не поднимая головы, слабо помахала ей. Почти сразу оба исчезли во внезапно сгустившихся сумерках, а Ольга все бежала, бежала за ними, и сумерки липли, липли к ней, как паутина, которой не замечаешь, пробираясь между деревьев, но она вдруг приникает к лицу, и склеивает ресницы, и лезет в нос и рот, и, когда ты пытаешься снять ее, она липнет к твоим рукам, и ты не можешь вздохнуть, не можешь шевельнуться, только ощущаешь, что нити паутины туго натянуты и дрожат, угрожающе дрожат, потому что по ним пробирается к тебе страшный ее хозяин, черный паук с ярким белым крестом на спине, – и это твоя смерть…

И вдруг что-то произошло! Ольгу сотряс сильнейший удар, паутину сорвало с лица порывом свежего ветра, чистый, чистейший воздух пробрался в стиснутые легкие, сильно забилось еле трепещущее сердце…

В давние времена

Как-то раз легла Ольгушка спать, да мается, уснуть не может от духоты: это было в июле, как раз в ночь на Илью-грозника[4], ох и жарища тогда стояла! – и решила окошко в каморке, где спала, приотворить. Тетка Лукерья всегда бранилась и приказывала ни одной, даже самой малой щели не оставлять на ночь: сквозняков и комаров боялась пуще нечистой силы. От нее, говорят, окошко, на ночь растворенное, закрестить можно, а от комара не закрестишься!

Но Ольгушке совсем невмоготу сделалось – каморка впритык к кухне располагалась, оттуда и день от печки тепло шло, и ночь. Зимой-то хорошо, а летом нестерпимо тяжко!

Отважилась Ольгушка тетку прогневить да хоть глоток воздуха сделать.

Шуганула она кошку, которая вечно пристраивалась спать у Ольгушки в головах, а ведь известно: кто спит с кошкой, у того лягушки в волосах заводятся! – подошла к оконцу, отворила его, потом ставенку толкнула. Видит – в небе луна-лунища! Ну да, вечером солнце сильно при закате светило – к большому ветру. Вот он и поднялся, вот и размел тучки, большие и малые, и луна засветила так ярко, что все звездочки по соседству с ней померкли. И при этом ярком лунном свете увидела Ольгушка тетку Лукерью, которая, озираясь, бежала со двора.

Ольгушка перепугалась.

Что такое? Неужели тетка снобродит?! Да, луна таких людей выманивает идти со двора с широко открытыми, но незрячими глазами, под вой собак, которых тревожит бледное сияние небесного светила… Опасны лунные ночи, хоть и прекрасны несказанно!

Надо тетку Лукерью остановить, решила Ольгушка. Как бы не забрела невесть куда, влекомая луной!

[4] По старому стилю день Ильи-пророка-грозника отмечали 20 июля, по новому он приходится на 2 августа.

Но в это мгновение попадья оглянулась, и Ольгушка увидела встревоженное выражение ее лица. Ох нет, не во сне она бродит, а бежит стремглав, и не куда-нибудь, а прямиком к рощице, которая огибает поповское подворье, а потом, за небольшим овражком, сливается с лесом. И опасается попадья, как бы не увидал ее кто в этом ночном пути.

Ольгушка даже руками развела.

Что за притча?! В ту рощицу девки на тайные свиданья с парнями бегали! И ее Филя туда зазывал, да она, понятное дело, не пошла! Но тетка-то Лукерья! Неужто сударика завела да поблудить с ним отправилась, едва мужа спровадив?

Нет, быть того не может! И не потому, что тетка Лукерья больно уж скромна и плотского греха убоится, не потому, что звание попадьи вынуждает женщину держать в узде нечистые желания, а просто ну кому она нужна? Кому она может приглянуться, тощая да унылая, что осина сухостойная? Кто ей свиданье назначит?

Нет, тут что-то другое, только вот что?!

Ольгушка, разумеется, не усидела дома: выскочила вон, как была, простоволосая, только юбку на сорочку надела, кацавейку на плечи набросила да ноги в чуни[5] свои растоптанные сунула – в темноте того и гляди напорешься на сук, а то и на змею наступишь!

Ну, пока возилась Ольгушка, одеваясь, попадью она упустила. Исчезла тетка Лукерья, будто сквозь землю провалилась. Ольгушка по рощице побегала, в овражек заглянула – никого. Не станешь же звать да кричать: «Где ты, тетенька, отзовись!» Наоборот – она сторожилась, как только могла. Не дай бог тетке Лукерье даже заподозрить, что Ольгушка за ней следила: потом сживет со свету! И даже ежели Ольгушка увидит ее греховодничавшей, что проку-то? Открыть правду отцу Каллистрату она не посмеет, да и жалко его, он же от позора умрет… А что еще хуже – не поверит Ольгушке и, разобидясь за жену, в самом деле отошлет в ненавистный монастырь.

Нет, пора возвращаться. Очень страшно ночью в лесу! В чаще какие-то диковинные огоньки мелькают, перемигиваются, перебегают. То они разгораются сильнее, то меркнут.

А в глубине лесов, говорят, иногда просвечиваются старые клады!

Может быть, тетка Лукерья решила клад среди ночь искать? Не пойти ли Ольгушке ей помочь? Но страшно, ох как страшно! Не только темноты страшно: попадья скупая баба, увидит племянницу, решит, что та ее ограбить задумала, да еще пришибет заступом!

Ольгушка нахмурилась, пытаясь вспомнить, был ли заступ в руках тетки Лукерьи, когда она из дому уходила. Вроде бы не было. Так что, она голыми руками будет землю копать?..

Нет, клад тут, пожалуй, ни при чем.

Да что же в лесу делает-то тетка Лукерья?!

Так ни до чего и не додумавшись, так ничего и не узнав, только прозябнув от ночной прохлады, Ольгушка наконец пошла домой – от греха подальше.

Воротилась, чуни с ног сбросила, кацавейку на гвоздь в сенях повесила, улеглась на свою лавку, ряднинку, под которой спала, натянула на озябшие плечи, помолилась быстрым шепотом на сон грядущий, глаза смежила – а сон нейдет. Все про тетку думала: где она, да что она, да с кем она, да когда воротится?

Ночь шла, а тетка Лукерья все никак не возвращалась. Уже третьи петухи отпели, а ее все нет. Наконец Ольгушку, несмотря на тревогу, начала одолевать дремота. Только завела глаза – вдруг грохот в сенях! Словно что-то тяжелое упало!

Ольгушка подхватилась, выскочила из своей каморки, кухню перебежала, толкнула было дверь в сенцы, а она не открывается, будто ее завалили с той стороны. И стонет кто-то едва слышно!

Прислушалась – а это, оказывается, тетка Лукерья стонет:

---

[5] Лапти из пеньковой веревки. Иногда так называют обрезанные по щиколотку старые валенки или сапоги.

– Оля… Ольгушка… помоги…

Господи, воля твоя! Что же это творится?!

А темно, а ничего не видно! Ольгушка лучинку от божницы зажгла, в светец воткнула, кое-как в этой полутьме на вершок дверь сдвинула – дальше не может: при каждом толчке тетка громче стонет да шибче охает.

Ну, боженька все ж надоумил: вылезла девка в окошко, обежала дом и заскочила в сени со двора.

Видит, тетка Лукерья лежит согнувшись, к двери приткнувшись. На ту минуту она обеспамятела, поэтому не охала, не стонала, когда Ольгушка ее в сторонку оттащила, чтобы двери можно было отворить, а потом заволокла в избу.

И заметила Ольгушка – что-то попадья вся мокрая. И волосы, и одежда. Платка на голове нет – видать, потеряла. Но почему мокрая? В речку, что ли, сорвалась с обрыва? Но речка с другой стороны, не с той, куда тетка Лукерья направлялась. Или в какой-то болотине увязла? Но поблизости никаких болот нет. Дождя тоже не было… Удивительно!

Простынет тетка, думает Ольгушка, в мокром-то, надо ее раздеть. Потянула с нее одежду, глядит – а все тело у нее исцарапано да изранено до крови! На шее царапины от чьих-то когтей глубоченные – диво, что из них кровь не струится. Или вытекла уже вся кровушка?.. Вот почему одежда тетки Лукерьи мокрая, значит!

– Господи, – пробормотала Ольгушка, – Боже милостивый, да что же это с вами, тетушка?!

Жалко ей тетку стало – чуть не плачет, все обиды забылись, хочет помочь, а не знает, что делать, как быть, кого звать. В округе ни одной порядочной знахарки не осталось после того, как Ольгушкины родители померли, а бабка Агафья, которая тоже травознайством пробавлялась, теперь в соседнюю деревню к сыну перебралась. Сын-то, чай, не выдаст родимую матерь, если опять на мир крещеный найдет страсть виновников беды искать среди тех, кто ни в чем не виновен!

А может, сбегать к Филькиной матушке, Марфе Игнатьевне Березкиной? Она хорошая, она всегда Ольгушку привечала, заступалась за нее вместе с отцом Каллистратом, когда ее сельчане в огонь хотели затолкать, Филькиной невестушкой ласково Ольгушку кликала, а что тетку Лукерью терпеть не могла, так кто ее терпеть мог, кроме отца Каллистрата, да и то лишь по его доброте неизмеримой? Но хоть и не любила Марфа Игнатьевна попадью, а все же не откажет помочь!

Метнулась Ольгушка к порогу – и вдруг слышит: тетка Лукерья зашевелилась.

– Племянушка, – бормочет, – подойди ко мне. Да свечей зажги побольше – страшно мне, страшно!

Девушка проворно с десяток свечей запалила – светло в комнатушке стало как днем. Опустилась на колени рядом с теткой Лукерьей:

– Что, тетенька? Водички попьешь? Чего тебе подать? Или сможешь подняться да в постель лечь? Долго ли захворать, на полу валяючись? А я быстренько за подмогой сбегаю.

А тетка Лукерья шепчет:

– Никуда не беги, никого не зови! Уж теперь никакая хворь меня не возьмет, и помочь никто не в силах. Поздно! Помираю… помираю я. Сядь около меня, Ольгушка, исповедаться тебе хочу! Грешна я, грешна! Через свой грех и отца с матерью твоих погубила. Простишь ли ты меня – не ведаю, однако земля меня не примет, ежели не откроюсь тебе во всех грехах своих. Молю Христом богом – выслушай!

Ольгушка стояла над ней подобно древу недвижному. Одеревенеешь небось от слов таких! Но ничего ей не оставалось – только слушать то, что хочет поведать перед смертью тетка Лукерья.

Когда она сказала, что погубила Ольгушкиных отца с матерью, девушка почувствовала, что всегда об этом догадывалась! Только боялась думать, что родная тетка на такой грех способна. И вот теперь она сама призналась в своем злодействе.

Слезы так и хлынули!

– За что?! – всхлипнула Ольгушка. – За что же?! Что они могли открыть, какой ваш грех?

– Чтобы отомстить! – простонала тетка Лукерья. – За то, что убила Грунька моего единственного сыночка!

* * *

– Завели! Завели! – закричал кто-то рядом, и Ольга открыла глаза.

Надо ней склонялись две раскрасневшиеся физиономии, которые казались ей и знакомыми, и нет. С трудом сообразила, что это, во-первых, Егорыч, а во-вторых, фельдшер Гриша Семенов.

– Ну, ладно, раз жива, тогда погнали в больничку, – пробормотал Егорыч и, бесцеремонно перевалившись через что-то громоздкое, лежащее на полу, перелез к себе в кабину.

А Ольга, ничего не понимая и чувствуя только странную тяжесть в голове и боль почему-то в губах, таращилась на Гришу. Выражения такого счастья на его лице, на котором обычно в равных пропорциях были смешаны возмущение и презрение (Гриша к человеческой суете относился пренебрежительно и уверял, что на всё воля Божия, а реаниматологи сами не понимают, что делают, возвращая к жизни тех, кому суждено помереть), видеть ей до сих пор не приходилось.

– Ну, Ольга, – пробормотал Гриша, – ну слава тебе…

У него перехватило горло, а на глаза навернулись и даже пролились – если бы Ольга сама этого не видела, никому не поверила бы! – слезы.

– Мне? – с трудом выговорила она.

Гриша прокашлялся:

– Вообще-то Господу, конечно, но тебе тоже. Я уж думал…

Он всхлипнул и вытер мокрое от пота и от слез лицо, но известную всем по голливудским фильмам фразу: «Я уж думал, мы тебя потеряли!» не произнес.

Врачи со «Скорой» этого никогда не говорят. Это только в Голливуде так говорят!

– Да что случилось-то? – не понимала Ольга.

Повернула голову, оглядела себя и окружающее пространство.

Вот те на! Оказалось, она лежит в салоне родимой «Скорой», причем на носилках для пациента, роба невесть куда подевалась, блузка расстегнута, у Гриши в руках «ложки» дефибриллятора, а внизу, около носилок, на полу, покоится какой-то здоровенный дядька с испуганно вытаращенными глазами, запеленатый в клетчатую рубаху так, что руки заломлены ему за спину. Ноги связаны желтой резинкой.

Ольга не без труда вспомнила, что это не простая резинка, а медицинский жгут из «желтого чемоданчика», непременной принадлежности фельдшера всякой «Скорой», а в этой самой клетчатой рубахе дядька был, когда его, воскрешенного после обширного инфаркта, их бригада увозила из дома. Но лежал он тогда на носилках, с иголками в венах, под капельницами, и Ольга с тревогой следила за его пульсом, потому что был он очень нехорош – отчасти, между прочим, благодаря своему характеру «настоящего полковника», пусть и отставного…

О том, что потом произошло, Ольга узнала только с Гришиных слов.

Стало быть, «полковник» Витя набросился на реаниматолога Васнецову, повалил и принялся душить ее и грызть ее лицо (так показалось Грише с перепугу), иногда отрываясь от процесса и выкрикивая что-то нечленораздельное. Гриша попытался его оттащить, но «полковник» отшвырнул фельдшера с силой просто нечеловеческой. Тут Гриша заорал так, что

Егорыч, поглощенный тем, как бы поскорей и без потерь доставить бригаду и пациента в больницу, а оттого отключивший на время свой исключительный слух, оглянулся, мигом оценил ситуацию, приткнул автомобиль к обочине и, едва не проломив перегородку между кабиной и салоном, перескочил Грише на помощь. Не сразу они смогли скрутить «полковника» и вырубить его, а потом связать тем, что нашлось под рукой: его же рубашкой, да еще и запасным жгутом.

Ольга к тому времени уже не дышала, пульс не прощупывался, и адреналин не помог, и непрямой массаж сердца, и Гриша снова пустил в ход дефибриллятор, благодаря чему она и воротилась к жизни.

– Спасибо, Гриша, – пробормотала Ольга, жмурясь, как будто от слабости, а на самом деле пытаясь скрыть слезы.

Наверное, плакать сейчас для нее было бы вполне естественно, однако она боялась, что Гриша догадается: плачет она не от счастья возвращения к жизни, а от горя. Тот страх, который она испытала *там*, заплутавшись в липких сумерках, уже исчез – осталось только мучительное сомнение: а если бы ее не выдернули оттуда – смогла бы она догнать Игоря?

Или правда случилось бы так, как говорил он: она осталась бы, а он бы ушел? То есть она отдала бы жизнь взамен его жизни?

Он бы ушел, а она осталась… а девочка? А девочка с кудрявыми волосами? Она осталась бы с Ольгой?!

Нет, не думать об этом, это только морок, морок, это все привиделось! Реальность – боль в сердце и почему-то в губах.

– Ты что, делал дыхание изо рта в рот, а заодно решил меня поцеловать взасос? – старательно улыбаясь, взглянула она на Гришу.

– Да это не я! – воскликнул тот возмущенно. – Это вон кто тебе «дыхание изо рта в рот» делал!

И он ткнул ложкой дефибриллятора в связанного «полковника» Витю.

– Он тебя чуть не загрыз! Ты в зеркало посмотри – губищи как в частушке!

– В какой еще частушке? – не без опаски спросила Ольга: Гриша, конечно, верующий человек, но словарный запас был у него более чем отвязный… как, впрочем, у всех мужчин-«скоряков» (имеются в виду работники «Скорой помощи», не путать со скорняками!).

Однако частушка, несколько фальшиво пропетая Гришей, оказалась вполне детской:

– Меня милый, меня милый целовал —
Родный батюшка нечайно увидал.
«Почему припухли губки?!» – он спросил,
А я сказала, что комарик укусил!

– Это же не инфарктник – это маньяк какой-то! – закончив вокал, продолжил Гриша суровой прозой. – Я сначала не понял, что он творит, а потом разглядел: ну натурально выдыхал в тебя из себя воздух и орал жутким ором что-то вроде «буми, эйми!»

– Буми, эйми? – тупо повторила Ольга. – А что это значит?

– Что это значит, придурок? – спросил Гриша, с ненавистью глядя на связанного «полковника» Витю.

Но тот не отвечал – грозно таращился снизу и бухтел:

– Вы что со мной сделали?! Да я вас засужу! Вы как с больным обращаетесь?!

– Все бы здоровые такие были, как ты больной! – прорычал Егорыч, перегнувшись из кабины, потом повернулся к рулю, и «Скорая» наконец тронулась.

А Ольга с Гришей некоторое время молча переглядывались, читая мысли друг друга так же безошибочно, как если бы высказывали их вслух. Размышляли они о том, что пациент есть

пациент, больной есть больной, его нападение на Ольгу было спровоцировано, очевидно, реакцией организма на лекарства, которые ему вкололи в немалом количестве, и морфин, введенный при обезболивании, сыграл свою роль, и кратковременное пребывание на том свете (она хоть и клиническая, а все же смерть!) подействовало… В любом случае везти инфарктника связанным по рукам и ногам, да еще валяющимся на полу, – это, как бы поделикатней выразиться, чрезмерно экстремально, а потому вряд ли будет правильно понято начальством. Как бы с работы не вылететь или, что вполне вероятно, вообще под суд не угодить!

После краткого мысленного совещания Ольга с трудом переместилась в кресло, прикрыв первым делом свою полунаготу. Егорыч, призванный на помощь, снова остановил автомобиль, снова перебрался в салон и снова помог Грише – на сей раз переложить «полковника» Витю на носилки. Тот продолжал всячески ворчать и браниться, и тогда разъяренный Гриша в доходчивой, хотя и весьма многословной форме объяснил пациенту, что за нападение на врача ему самому светит срок, это раз, а если он сейчас сам у себя очередной приступ спровоцирует, то его спасать больше никто не будет.

– Только посмотрите на губы доктора Васнецовой! – провозгласил Гриша, кивнув в сторону Ольги. – Это ведь вы ее чуть не загрызли! И экспертиза это легко докажет! Это не просто покушение на врача, а какое-то гнусное сексуальное домогательство! Мы с доктором Васнецовой (еще один кивок в сторону Ольги) промолчим о вашем безобразном поведении, если вы сами забудете о том, что мы с вами обошлись сообразно вашему мерзкому поведению.

«Полковник» Витя не без ужаса взглянул на Ольгины губы, пробормотал, мол, не понимает, что это на него нашло и как он вообще мог совершить такое, и дал слово, что будет молчать о случившемся, – если и врачи промолчат.

Гриша кивнул дважды – за себя и за Ольгу, – помог Вите принять приличный вид, опять ввел в его вену иглу (врачи всегда заинтересованы привезти любого пациента, даже такого, как этот тип, живым!), а Ольга достала зеркальце и принялась рассматривать свои губы.

Да… ну и видок! Вспомнилось, как в юности Надюшка пригласила Ольгу вместе провести каникулы у бабушки в деревне. Детдомовцы учились в обычной средней школе – вместе с детьми из обычных семей, тогда Ольга с Надюшкой и подружились – еще в первом классе. Сказать по правде, и детство, и юность Ольги прошли не столько в детском доме, сколько в доме Надюшки.

– Подружку ты себе очень предусмотрительно выбрала! – шутила Надюшкина мама, когда Ольга окончила медицинское училище, потом институт и Михеевы получили хорошего семейного врача. Потом подружка прямо в «Скорой» приняла у Надюшки роды и помогла появиться на свет Асеньке.

Так вот о деревне.

Называлась она диковинно – Курдуши, правда, никто толком не знал, что это значит. Да и не важно! В этих Курдушах случился у Ольги небольшой роман с одним парнем, который тоже, как и Оля с Надюшкой, приехал из города на каникулы к родне. Родня эта недавно приобрела дом в Курдушах, где местных жителей оставалось все меньше и меньше, а пустеющие избы активно скупали горожане, так что Курдуши называли дачной деревней.

Короче, случился маленький роман – с прогулками в роще при луне, с поцелуями на сеновале… а вернувшись домой, Оля обнаружила ужасные синяки на шее. Не только в губы ее целовал кавалер, оказывается, а она как-то и не заметила! Надюшкина бабуля синяки увидела – и чуть в обморок не упала.

– Да что ж, тебя домовой душил, что ли? – закричала она испуганно.

– Почему домовой? – удивилась Оля. – Я на сеновале была!

– С дворовым или сарайником? – сердито осведомилась бабуля и велела внучке намазать синяки бодягой, за которой сбегала к соседке, местной знахарке. Из Курдушей до поликлиники и аптеки не наездишься, поэтому народная медицина там процветала.

Почему Ольга это вспомнила? Ах да! Потому что с ужасом рассматривала свои распухшие и кое-где прокусанные до крови губы. Тут бодягой не спасешься, знахарка посоветовала бы алоэ или облепиховое масло, однако сама-то она бы лучше пошла проторенной медицинской тропой и как следует продезинфицировала этот кошмар. Надо посмотреть, что у Гриши там есть подходящее в «желтом чемоданчике».

«Однако с чего так вдруг разобрало нашего «полковника» Витю? – размышляла Ольга. – Неужто я в нем внезапно пробудила этакую неистовую страсть?! Боже упаси!»

Вдруг что-то зазвенело буквально под ее ногами. Ольга испуганно подпрыгнула, не сразу сообразив, что это звенит ее «Нокия», которую она отбросила, еще когда начинала реанимировать пресловутого Витю.

Наклонилась, пытаясь нашарить телефон, – сразу застучало в висках и затошнило.

Интересно, как монтируется недавно перенесенное тяжелое сотрясение мозга с дефибрилляцией? Кажется, плоховато…

Телефон Ольга все же подняла, но звонки прекратились. Взглянула на дисплей – да это Владимир Николаевич звонил. Что случилось? Что-то с Игорем?!

Руки так затряслись, что не сразу удалось перезвонить.

– Олечка, извини, если отвлекаю, ты на вызове, наверное? – раздался взволнованный голос свекра. – Просто хотел сказать, что мне удалось уговорить Валентину Петровну уйти домой ночевать. Вместо нее я останусь. Так что ты сегодня могла бы навестить Игоря… Как думаешь, получится?

Руки у Ольги так задрожали, что она чуть опять не выронила телефон. И с голосом справилась не сразу.

– Я постараюсь, – прохрипела она наконец. – Я буду очень стараться. Спасибо, что позвонили.

Сидела, тупо глядя на дисплей.

– Оля, все в порядке? – осторожно спросил Гриша.

– Да, все хорошо, – судорожно сглотнув, проговорила Ольга.

Так, надо срочно позвонить главврачу подстанции, чтобы нашли замену на ночные вызовы доктору Васнецовой. Конечно, она не скажет, что надо навестить мужа, – сошлется на плохое самочувствие. Гриша не даст соврать: реанимация врача на рабочем месте – это вам не фунт изюму, какая уж после этого работа, надо как минимум дома отдохнуть, если не в больнице! Но это уж личное Ольгино дело, где отдыхать. А в палату к Игорю она прорвется, только сначала надо дернуть Кирилла Поликанова, реаниматолога Центральной больницы. Все врачи так или иначе друг друга знают, особенно по своему профилю. Наверняка у Кирилла найдется какой-нибудь кореш в медицинском центре.

Кирилл Ольге не откажет: они вместе когда-то в медучилище учились, потом в институте, Кирилл даже ухаживал за Ольгой, но был вынужден посторониться, когда появился Игорь. Тогда все парни посторонились: поняли, что с любовью с первого взгляда не шутят!

Правда, вскоре дошли до Ольги слухи, будто Кирилл от разбитого сердца пытался травиться, и она ринулась к нему в больницу, однако старый друг оказался вполне жив и не без стыда объяснил, что всего лишь пытался завить горе веревочкой – в смысле, не повеситься, а напиться. Однако, к своему несчастью, напоролся на палёную водку, вот и вышло нешуточное отравление. Правда, это излечило его от неудачной страсти, что порадовало Ольгу, ибо она предпочитала Кирилла в качестве доброго друга, но уж никак не любовника.

Друг-реаниматолог очень пригодился: именно Кирилл выводил Ольгу из комы, когда ее привезли с разбитой головой, и Игоря выводил из комы, когда его привезли с огнестрельным ранением…

Кирилл поможет, обязательно поможет!

Кстати, надо Люсе перезвонить, вспомнила Ольга. Как она там, перестала Скалолазку оплакивать?

Вдруг заметила, что мигает значок диктофона. Ого, да он был включен! Ну да, наверное, когда Ольга его отшвырнула, от удара какая-нибудь кнопочка нажалась, он и заработал. Интересно, что он там назаписал? Ну, ее разговор со свекром, это само собой, а еще что? Процесс ее реанимации, наверное?

Ольга нажала на знак воспроизведения и услышала:

– Проводим? Ольга, проводим?!

Это Гриша кричит перед тем, как начать «полковника» Витю реанимировать. А это уже сама Ольга ему отвечает:

– Да! Разряд!

Потом начинается какая-то суматоха.

– Во! – обрадовался не диктофонный, а натуральный Гриша. – Для истории записала? Здорово! – Слушайте, слушайте, – обернулся он к присмиревшему «полковнику» Вите, – у нас есть доказательство вашего нападения на доктора! Ольга Васильевна, сделайте погромче!

Она послушно увеличила звук, и в это мгновение из диктофона вырвался жуткий, ну вот натурально нечеловеческий вопль:

– Бу-ми! Суруде-ми! Эй-ми мучудя-ми окин-да!

Ольге почудилось, будто каждое из этих странных, безумно странных слов взрезает ее мозг, буквально разрывает голову! Она вдруг снова оказалась в тех же липких сумерках, где побывала недавно, снова задыхалась, но Игорь был рядом, а потому Ольга не спешила сорвать с лица эту мучительную паутину. Лишь бы не расставаться с ним!

– Я тебя отдаю, – проговорил Игорь, но голос его был едва слышен. – Отдаю своими руками, отдаю ему…

– Что ты говоришь? – испуганно спросила Ольга. – Я ничего не понимаю!

– Лишь одно это вернет меня к жизни, – продолжал Игорь. – Я не слишком дорожу ею, ведь теперь она станет только раскаянием за то, что я сделал, только раскаянием, горем и тоской, но если я умру, то уведу с собой и тебя. Заберу против своей воли! Понимаешь, Оля? Ты умрешь, если умру я, потому что любишь меня, потому что цепляешься за меня и не сможешь избавиться от желания видеть меня снова и снова. Только он, только другой сможет вернуть к жизни тебя и меня, только с его помощью ты поймешь, что произошло с нами, но это будет не прежняя наша общая жизнь. У каждого будет своя… наши тропы разойдутся… Но мы оба останемся живы, вот что самое главное, понимаешь, Оля?

– Нет, я не понимаю, я не хочу этого понимать! – услышала она свой крик – не смогла удержаться от крика боли и муки! – вскочила, но в этот момент машину встряхнуло на каком-то ухабе, Ольгу швырнуло в сторону, она ударилась головой о пластиковую перегородку между кабиной и салоном – и потеряла сознание.

В давние времена

– Не может быть! – горячо выкрикнула Ольгушка. – Не могла моя матушка… не могла убить кого-то! И разве у тебя, тетушка, был сын? Отчего же я про это никогда не слышала?

– Не только ты – никто не слышал, – тихо ответила тетка Лукерья. – Никто, потому что хранила я это в тайне. Даже муж мой, Каллистратушка, про сие не знал и не ведал. Конечно, того, что досталась я ему не девицею, не скроешь, но я ему правду сказала: напал на меня однажды, еще давно, еще до встречи с ним, в лесу лихой человек, ссильничал – да и сгинул навеки. Только и радости было, что в тот же день нашла я на лесной тропе перстенек чудной красоты: из какого-то черного железа, с камешком зеленым. Вот он, на пальце моем… Конечно, я его подняла и надела. У меня никогда ничего подобного не было… да и у моих

подружек не было! И даже у Груньки, которой муж вечно дарил всякие побрякушки, не было такого перстенька. Видать, от зависти она и начала мне твердить всякие глупости: дескать, зачем, сестреница[6], ты этот перстенек подобрала? Порча, мол, на нем! «Сними, говорит, да мне отдай – я попробую его отчитать!» Я ей, конечно, в ответ: «Ишь чего захотела! Ты всякими побрякушками увешана с головы до пояса, а у меня в кои-то веки колечко завелось? Не отдам! И не выдумывай про порчу, знаю я тебя! Заберешь себе – и поминай мой перстенек как звали!» Ох, как разозлилась Грунька! Прошипела: «Ну что ж, тогда терпи да не жалуйся. Только много зла ты с ним натерпишься, а еще больше другим этого зла принесешь!» – «Каркай, ворона, каркай!» – сказала я ей да и прочь выгнала. И впрямь накаркала мне беду Грунька – вскорости поняла, что забрюхатела… Ах, как я от всех таилась, как пряталась, до какой боли брюхо тряпками затягивала! Даже родимый батюшка ни о чем не подозревал, ну да он по большей части в отхожем промысле был. Однако все же настал день моих родин. Кому мне было открыться, кого на помощь позвать, как не сестреницу мою, Груню Васнецову? Ведь, кроме нее, никакой женской родни у меня больше не осталось! Сговорились мы с Грунькой, что она ребеночка примет и в лес его тайно снесет, спрячет там, а я его на другой же день отыщу, когда с подружками в лес пойду, – отыщу, будто нечаянно. И заберу к себе, будто из жалости, и вырастет он как приемыш, но только я одна буду знать, что это мое роженое дитятко, мой Демьянушка.

Тут тетка Лукерья с трудом перевела дух и не сразу продолжила:

– Ох как больно мне было рожать! Как же я мучилась! Сунула мне Грунька жгут между зубами, велела покрепче зажать, чтоб криков моих слышно не было, – и ну орудовать своими ручищами в нутре моем женском, чтобы дитя поскорей на свет явилось. Этой боли я уже не вынесла, обеспамятела, а когда очнулась, надеясь увидеть свое дитятко, была при мне одна только Грунька. И сказала она, будто сыночек мой родился мертвеньким, и, пока лежала я без памяти, она снесла дитя в лес и бросила там в болото. А потом вернулась в мой дом и все кругом меня прибрала и вымыла, чтобы, не дай бог, ни один досужий соседский глаз не высмотрел, что здесь происходило.

Ольгушка с ужасом таращилась на тетку Лукерью, не в силах поверить ни единому словечку, но при этом понимая, что той уже смотрит смерть в глаза, а перед этим непрощающим, беспощадным взором, наверное, не лгут…

– Ну что ж, – горестно продолжала тетка Лукерья, – оклемалась я, оплакала я сыночка родимого, заплатила Груньке, чтобы молчала о моей беде, да ей все мало было, то и дело приходила из меня деньги тянуть! Поблагодарила ее, однако все же понять не могла: почему она не дала мне на роженое мое дитятко взглянуть, почему не дала омыть его слезами, почему унесла да сунула сыночка моего в болотину? Тоска по нему меня ни на день, ни на час не оставляла, ни на минуточку. И вот начали мне являться страшные видения, как будто сыночек мой родился живым, а не мертвым, как будто очнулся он в болотине, кричал, плакал, да никто спасти его не мог, как будто на крики явился моховик, дух злобный, который является людям в виде зеленой мохнатой свиньи, да и заел дитя беспомощное! Едва не помешалась я от таких снов, уже руки на себя хотела наложить, да убоялась греха. Жизнь моя текла, будто вода мутная, а Грунька не унималась, тянула да тянула с меня деньги, а коли денег не дам, грозилась всему честному народу рассказать о том, что со мной случилось. Приходилось мне у отца тайком подворовывать, подпаивая его, чтобы не мог вспомнить, сколько оставалось в кошеле монет. Как-то спросила я Груньку, за что она меня так ненавидит, за что мучает? Не сразу, но все же поведала она мне правду: мол, мстит за то, что муж ее, Василий Васнецов, был некогда в меня влюблен, однако робел со мной заговорить, со скромницей, не то что присвататься. А Грунька по нему сохла! И вот пошла она на страшное дело: мало того что на себя его однажды затащила, по пьяной-то лавочке, когда парень не соображал, что делает и кого целует-милует, да

[6] Сестреница – двоюродная сестра (старин.).

еще принялась его беспрерывно опаивать приворотами да присушками, от которых он и вовсе разум потерял, женился на Груньке и стал верным помощником ее ведьмовских проделок…

Ольгушка рада была бы уши заткнуть, чтобы не слышать ужасных слов об отце своем и матери, да тетка Лукерья крепко держала ее за руки, не давала ими шевельнуть, и все вела, вела свои ужасные речи, от которых сердце Ольгушки билось уже с перебоями, а иной раз ей казалось, будто оно и вовсе остановится.

– Шло время, стала душа моя потихоньку успокаиваться, и страшные видения меня больше не посещали. Жизнь моя кое-как наладилась. Я вышла замуж за отца Каллистрата, заплатив Груньке вовсе уж цену немереную. Боялась, как бы она не открыла моей вины миру честному да мужу моему! Он простил… от любви ко мне и доброты своей простил, что я не девицей непорочной ему досталась. Однако, конечно, узнав, что у меня ребенок родился да был в болоте утоплен, будто падаль, этого он простить бы не мог! А Грунька, которой по-прежнему хотелось завладеть моим перстеньком, для начала намекнула отцу Каллистрату, что не иначе полюбовник мне его подарил. Велел муж его снять: негоже, мол, попадье носить что-то еще, кроме колечка венчального! Однако снять его оказалось невозможно: я раздалась вширь, и пальцы у меня потолстели, вот перстенек в палец врос. Не обрубать же его! Смирился с этим отец Каллистрат. А Грунька, своего не добившись, все не унималась: грозилась наговорить мужу моему, будто я сама дитятко утопила! Насилу, говорю, откупилась от твоей матушки… чтоб ее черти на том свете жарили да парили!

Прежняя злоба зазвенела в голосе тетки Лукерьи, и Ольгушка вдруг почувствовала, что здесь что-то не то: не могла ее добрая да ласковая матушка оказаться такой злодейкой, какой тетка ее описывает. А что до того, будто любовь отца к матери зиждилась только на присушках и приворотах, то уж в это Ольгушка никогда не поверила бы, потому что вся жизнь родителей происходила на ее глазах, и такую любовь, которая сияла между ними, можно было только в сказке отыскать. Ни на минуту не засомневался бы Василий оседлать черта и полететь на нем в дальние дали, чтобы отыскать царицыны черевички для любимой своей Грунюшки!

Да, может, и думают люди, что перед смертью нельзя соврать, но то, что тетка Лукерья сейчас напраслиной поливает Васнецовых, даром что минуты ее жизни сочтены, – в этом Ольгушка с каждой минутой уверялась все больше.

А тетка Лукерья между тем продолжала:

– Прошло какое-то время, и увидела я сон. И во сне том явился ко мне мой сыночек, сказал, что жив он, не заел его, по счастью, моховик, однако же попал он во власть злобного болотника, который забирает всех детей, умерших некрещеными. А ведь сыночка моего не то что не крестили Демьянушкой – глоточка воздуха живого ему вдохнуть не дали, и только по ночам выпускает несчастных своих узников из трясины, чтобы они мелькали над болотами синими огоньками и заманивали неосторожных путников в болото на погибель. Но есть, сказал мой сыночек ненаглядный, одно средство спасти его. В том оно состоит, чтобы не просто убить его погубительницу Груньку Васнецову, но и все семейство ее извести под корень, то есть и мужа, и дочку. Но если хоть кто-то из этого проклятого семейства в живых останется, сыночек мой снова сгинет, а вернется ко мне, лишь когда срок его службы у болотника кончится. Но уж когда это произойдёт – неведомо. Может, и никогда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.